

БИБЛИОТЕКА

"ИЗВЕСТИЙ"

P59

СЗ 309

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

700 ТЫСЯЧ
КИЛОМЕТРОВ
В КОСМОСЕ

СЛАВА

ГЕРОЮ,

НАРОДУ,

ПАРТИИ!

«Приземлился благополучно», — возвещает радио всему миру,
и ликование нет предела.

БИБЛИОТЕКА «ИЗВЕСТИЙ»

700 ТЫСЯЧ
КИЛОМЕТРОВ
В КОСМОСЕ

5846
237
9185

•

Специальный выпуск

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИЗВЕСТИЯ“
МОСКВА · 1961

32-C
C-39

ГОС ПУБЛИЧНАЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА СССР

213 $\frac{F}{03}$

$\frac{51}{2234}$

~~$\frac{159}{C309}$~~

**К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
И НАРОДАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!
К НАРОДАМ И ПРАВИТЕЛЬСТВАМ
ВСЕХ СТРАН!
КО ВСЕМУ ПРОГРЕССИВНОМУ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ!**

***ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС,
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
И ПРАВИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО СОЮЗА***

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Правительство Советского Союза с большой радостью сообщают о новой беспрецедентной победе советской науки и техники — успешном полете второго космического корабля с человеком на борту.

6 августа 1961 года в 9 часов по московскому времени мощной советской ракетой на орбиту вокруг Земли был выведен новый космический корабль-спутник

«Восток-2», пилотируемый летчиком-космонавтом — гражданином Союза Советских Социалистических Республик, коммунистом, майором товарищем Титовым Германом Степановичем.

Товарищ Титов благополучно совершил 25-часовой полет вокруг Земли и после выполнения намеченной программы успешно приземлился на территории нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

Советский космический корабль-спутник «Восток-2», управляемый товарищем Титовым, облетел более 17 раз вокруг земного шара, преодолев расстояние свыше 700 тысяч километров, то есть почти равное удвоенному расстоянию от Земли до Луны.

В этом подвиге отражены новые огромные достижения Советского Союза, нашей науки и техники, всего народного хозяйства — великие преимущества самого передового в мире социалистического общественного строя.

Все народы земного шара с огромным воодушевлением и восторгом отметили первый полет советского человека в космическое пространство. Замечательный полет нового советского космонавта показывает, что недалеко то время, когда космические корабли, управляемые человеком, проложат межпланетные трассы к Луне, Марсу, Венере. Перед человечеством открываются широкие перспективы покорения космического пространства и полетов к планетам Солнечной системы.

С чувством законной гордости Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Прави-

тельство Советского Союза отмечают, что наша страна, страна победившего социализма, уверенно идет в авангарде человечества в деле использования достижений науки и техники на благо народов мира.

Второй космический полет советского человека вокруг Земли — это новое яркое подтверждение великого могущества народа, построившего социализм. Наши достижения в освоении космоса не являются случайными, они отражают закономерное шествие победоносного коммунизма. Коммунизм неудержимо идет вперед. И нет такой силы в мире, которая могла бы помешать неукротимому движению человечества к своему светлому будущему.

Враги мира раздувают военную истерию. Этой истерии мы противопоставляем наши величественные планы коммунистического строительства, нашу твердую уверенность в своих силах, в правильности пути, указанном марксистско-ленинской наукой.

Всем людям на земле известны планы и цели нашей страны. Они выражены в проекте вносимой на рассмотрение XXII съезда КПСС новой Программы Коммунистической партии Советского Союза — программы построения коммунистического общества. Коммунизм выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство и Счастье всех народов.

Все во имя человека! Все для блага человека! — вот наша высшая цель.

Космические полеты советских людей знаменуют собой непреклонную волю, непреклонное желание всего советского народа к прочному миру на всей земле. Наши достижения в исследовании космоса мы ставим на службу миру, научному прогрессу, на благо всех людей нашей планеты.

Советский народ твердо верит, что дело мира победит во всем мире. Мир восторжествует, если народы всех стран будут самоотверженно бороться за его укрепление.

Мы призываем правительства всех стран, всех людей, независимо от расовой, национальной, социальной принадлежности и религиозных убеждений, приложить все силы для обеспечения прочного мира на всей земле.

Новая славная победа нашей Родины вдохновляет всех советских людей на еще большие подвиги в строительстве коммунизма!

Вперед к великим победам во имя мира, всеобщего счастья и прогресса человечества!

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

**ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР**

**СОВЕТ
МИНИСТРОВ СССР**

**Советскому космонавту, впервые в мире
совершившему 25-часовой космический полет,
майору ТИТОВУ Герману Степановичу.**

Дорогой Герман Степанович!

Я счастлив горячо поздравить Вас с выдающимся героическим подвигом — 25-часовым космическим полетом на корабле-спутнике «Восток-2».

Весь советский народ, все прогрессивное человечество будут помнить в веках Ваш подвиг, как пример мужества и отваги, во имя служения человечеству.

Ваш героический подвиг еще раз показал, на что способен советский человек, воспитанный Коммунистической партией.

От всего сердца поздравляю Вас со счастливым возвращением из космического путешествия в горячие объятия своей Родины.

До скорой встречи в Москве.

Н. ХРУЩЕВ.

7 августа 1961 года.

**ВСЕМ УЧЕНЫМ, КОНСТРУКТОРАМ,
ИНЖЕНЕРАМ, ТЕХНИКАМ,
РАБОЧИМ, ВСЕМ КОЛЛЕКТИВАМ
И ОРГАНИЗАЦИЯМ,
УЧАСТВОВАВШИМ В УСПЕШНОМ
ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НОВОГО
КОСМИЧЕСКОГО ПОЛЕТА
ЧЕЛОВЕКА НА КОРАБЛЕ-СПУТНИКЕ
«ВОСТОК-2». СОВЕТСКОМУ
КОСМОНАВТУ, ОСУЩЕСТВИВШЕМУ
25-ЧАСОВОЙ ПОЛЕТ, ТОВАРИЦУ
ТИТОВУ Г. С.**

Дорогие товарищи!

Друзья-соотечественники!

6 августа 1961 года наша Родина — Союз Советских Социалистических Республик успешно осуществила новый дерзновенный шаг на пути освоения космического пространства.

На советском космическом корабле-спутнике «Восток-2» летчик-космонавт, героический сын Коммунисти-

ческой партии товарищ **Титов Г. С.** совершил 25-часовой полет в космосе, облетев нашу планету более 17 раз,

Это величайшая победа нашей науки и техники, яркое проявление творческого гения советского народа, уверенно идущего по пути построения коммунистического общества.

Только народ, вдохновленный великой программой построения коммунизма, руководимый своей родной Коммунистической партией, способен в столь короткие сроки совершать подвиги, о которых на протяжении многих веков мечтали лучшие представители русской и мировой науки.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР от имени нашей славной Коммунистической партии, Советского правительства, всех народов Советского Союза горячо поздравляют ученых, конструкторов, техников, рабочих, все коллективы и организации, участвовавшие в создании и подготовке космического корабля-спутника «Восток-2» и успешном осуществлении космического полета, с новой великой победой разума и труда советского человека.

От всего сердца поздравляем Вас, дорогой наш товарищ **Герман Степанович Титов**, с великим подвигом — новым выдающимся полетом в космическое пространство.

Слава советским ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим — покорителям космоса!

Слава нашему народу — народу-творцу, народу-победителю, пролагающему под руководством Коммунисти-

ческой партии путь к светлому будущему всего человечества — коммунизму!

Да здравствует славная Коммунистическая партия Советского Союза — вдохновитель и организатор всех побед советского народа!

Да здравствует коммунизм!

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ
КПСС**

**ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР**

**СОВЕТ
МИНИСТРОВ
СОЮЗА ССР**

БЕСЕДА

Н. С. ХРУЩЕВА ПО ТЕЛЕФОНУ С КОСМОНАВТОМ Г. С. ТИТОВЫМ

7 августа 1961 года

7 августа в 11 часов 30 минут Н. С. Хрущеву, который в это время принимал посла Аргентины г-на Сесара Х. Барроса Уртадо, доложили, что космонавт Герман Степанович Титов хочет лично сообщить по телефону об успешном завершении своего космического полета.

— Очень рад,— говорит Никита Сергеевич и, обращаясь к послу Аргентины, добавляет: — вот и вы можете стать свидетелем нашей беседы с космонавтом.

Взяв телефонную трубку, Никита Сергеевич сказал: — Слушаю вас, Герман Степанович. Здравствуйте, сердечно поздравляю.

Г. С. Титов. Товарищ Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза! Докладываю, что задание партии и правительства выполнено. Все системы и оборудование корабля работали отлично. Приземлился в заданном районе. Товарищи приняли хорошо, самочувствие отличное.

Н. С. Хрущев. Замечательно! Голос ваш звучит так, как будто бы вы только что прибыли со свадебного бала.

Г. С. Титов. Вы хорошо сказали, Никита Сергеевич. Был бал, только не свадебный. (Оба смеются).

Н. С. Хрущев. Это верно, что бал, но только не свадебный. У молодоженов свадебный бал — это самая счастливая пора. А то, что вы сделали, — это счастливая пора для всего человечества.

Г. С. Титов. Спасибо, Никита Сергеевич!

Н. С. Хрущев. Вы совершили беспрецедентный космический рейс. Сколько вы сделали витков вокруг земного шара?

Г. С. Титов. Семнадцать с половиной, Никита Сергеевич.

Н. С. Хрущев. За сколько часов?

Г. С. Титов. За 25 часов с минутами.

Н. С. Хрущев. За 25 часов с минутами! Это же — героический подвиг. Вы осуществили мечту человечества. Не так давно мечта о космических полетах человека считалась мечтой неосуществимой. Мы гордимся тем, что вы, советский человек, коммунист, сделали это. Вы теперь уже не кандидат в члены партии. Считайте, что ваш кандидатский стаж уже истек. Потому что каждая минута вашего пребывания в космосе может засчитываться за годы. Вы свой кандидатский стаж в члены партии уже прошли и показали, что вы — настоящий коммунист и можете высоко держать знамя Ленина!

Г. С. Титов. Большое спасибо, Никита Сергеевич. Я постараюсь оправдать доверие партии, обещаю и впредь выполнять высокие обязанности члена партии, как выполнил их сегодня.

Н. С. Хрущев. Очень хорошо. Поздравляю вас, ваших родителей — отца и мать — за то, что они воспитали вас таким мужественным советским человеком.

Г. С. Титов. Благодарю вас, Никита Сергеевич!

Н. С. Хрущев. Мы еще поздравим вас и поблагодарим ваших родителей при личной встрече в Москве. Мы вас достойно встретим в Москве всем народом, всей страной.

Г. С. Титов. Сердечно благодарю вас, Никита Сергеевич, благодарю партию и правительство.

Н. С. Хрущев. А как чувствует себя ваша супруга, она знала о вашем полете? Я задаю вам вопросы, которые, пожалуй, можно считать стандартными, потому что такой вопрос я уже задавал и первому космонавту Юрию Гагарину.

Г. С. Титов. Да, знала.

Н. С. Хрущев. А одобрила она этот полет?

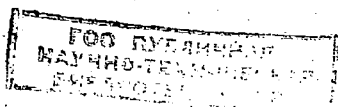
Г. С. Титов. Сначала не совсем одобряла, а потом одобрила.

Н. С. Хрущев. Это вполне понятно. Ей хотелось, чтобы ее муж совершил подвиг, но этот подвиг был таким, что она могла лишиться мужа, и, видимо, поэтому у нее могли быть колебания. Это человеческие колебания, и они понятны всем людям.

Г. С. Титов. Такой именно и был разговор у нас с Тamarой, Никита Сергеевич.

Н. С. Хрущев. Теперь я хочу у вас спросить, как вы себя чувствовали в полете?

Г. С. Титов. Чувствовал себя великолепно, Никита Сергеевич. После приземления выпил воды и чувствую себя превосходно.

Н. С. Хрущев. Вам удалось хотя бы немножко поспать во время полета?

Г. С. Титов. Мне надо было проснуться в 2 часа ночи, а я проснулся в 2 часа 35 минут.

Н. С. Хрущев. Это хорошо. Значит, у вас здоровый организм, если вы можете после напряженной работы хорошо отдохнуть и заставить себя проснуться, когда нужно, чтобы приступить к дальнейшему исполнению своих обязанностей. Воля и организм у вас в полном порядке, это очень хорошо!

Ну что ж, Герман Степанович, ждем вас в Москве.

Г. С. Титов. Благодарю вас, Никита Сергеевич.

Н. С. Хрущев. Целую и обнимаю вас пока по телефону, а вот когда встретим вас на аэродроме — обниму вас по-отечески, как самого дорогого и любимого сына нашей Родины.

Г. С. Титов. Спасибо, Никита Сергеевич. Большое спасибо!

Н. С. Хрущев. Желаю вам успехов, идите отдыхать, вы заслужили отдых.

Г. С. Титов. Сейчас пойду отдыхать, Никита Сергеевич!

Н. С. Хрущев. Всего хорошего! Желаю здоровья. Ждем вашего возвращения в Москву. До свидания!

Г. С. Титов. От всей души благодарю вас, Никита Сергеевич. До свидания!

БИОГРАФИЯ КОСМОНАВТА

Герман Степанович Титов родился в 1935 году в селе Верхнее Жилино Косихинского района Алтайского края в семье учителя средней школы. По национальности — русский. В 1943 году он поступил в начальную школу при колхозе «Майское утро» Косихинского района, куда мать переехала в начале войны.

В 1950 году он окончил семилетнюю школу села Полковниково Косихинского района, а затем Налобинскую среднюю школу этого же района.

Г. С. Титов в 1949 году вступил в ВЛКСМ.

В 1957 году он закончил военно-авиационное училище летчиков по первому разряду, сдав экзамены по технике пилотирования на «отлично».

По окончании училища Г. С. Титов был направлен для прохождения службы в Ленинградский военный округ. За успехи в учебно-боевой и политической подготовке и примерную воинскую дисциплину Ленинградский обком ВЛКСМ наградил его двумя грамотами.

Тов. Титов — кандидат в члены КПСС.

Он женат. Его супруга — Тамара Васильевна, 1937 года рождения.

Отец — Степан Павлович, 1910 года рождения, преподавал русский язык и литературу, а затем немецкий язык в семилетней школе села Полковниково Алтайского края. С 1961 года находится на пенсии. Мать — Александра Михайловна, 1914 года рождения.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС
от 7 августа 1961 г.

О приеме в члены КПСС
кандидата партии товарища ТИТОВА Г. С.

Товарищ Титов Герман Степанович 1935 года рождения, русский, кандидат в члены партии с апреля 1961 года.

Тов. Титов Г. С. совершил беспрецедентный героический подвиг по освоению космического пространства. На космическом корабле «Восток-2» 6—7 августа 1961 года в течение 25 часов полета он сделал более 17 оборотов вокруг Земли, пролетев свыше 700 тысяч километров, блестяще выполнив задание Коммунистической партии и Советского правительства.

Своим великим подвигом товарищ Титов Г. С. на весь мир прославил нашу социалистическую Родину и доказал, что он достоин быть членом Коммунистической партии Советского Союза.

ЦК КПСС постановляет:

принять товарища Титова Германа Степановича в члены Коммунистической партии Советского Союза.

ЦК КПСС.

ЗАЯВЛЕНИЕ

космонавта Г. С. Титова

перед полетом

Дорогие товарищи и друзья!

Мне выпала великая честь совершить новый полет в просторы Вселенной на советском космическом корабле «Восток-2».

Трудно выразить словами чувства радости и гордости, которые переполняют меня.

Мы, советские люди, гордимся тем, что наша любимая Родина открыла новую эру освоения космоса. Мне доверено почетное и ответственное задание. Мой большой друг Юрий Гагарин первым проложил дорогу в космос. Это был великий подвиг советского человека.

В последние минуты перед стартом мне хочется сказать сердечное спасибо советским ученым, инженерам, техникам и рабочим, которые создали прекрасный космический корабль «Восток-2» и провели подготовку его к полету.

Новый космический полет, который мне предстоит совершить, я посвящаю XXII съезду нашей родной Коммунистической партии.

В эти минуты хочу еще раз горячо поблагодарить Центральный Комитет родной ленинской партии, Советское правительство, дорогого Никиту Сергеевича Хрущева за оказанное доверие и заверить, что я приложу все свои силы и умение, чтобы выполнить почетное и ответственное задание.

Я глубоко уверен в успехе полета.

До скорой встречи, дорогие товарищи и друзья!

ТАК СОВЕРШАЛСЯ БЕСПРИМЕРНЫЙ ПОДВИГ

СТАРТ

6 августа 1961 года в 9 часов московского времени в Советском Союзе произведен новый запуск на орбиту спутника Земли космического корабля «Восток-2».

Корабль «Восток-2» пилотируется гражданином Советского Союза летчиком-космонавтом майором товарищем Титовым Германом Степановичем.

Задачами полета являются:

— исследование влияния на человеческий организм длительного полета по орбите и последующего спуска на поверхность Земли;

— исследование работоспособности человека при длительном пребывании в условиях невесомости.

По предварительным данным, корабль-спутник выведен на орбиту, близкую к расчетной, с параметрами:

— минимальное удаление от поверхности Земли (в перигее) равно 178 километрам;

— максимальное удаление (в апогее) составляет 257 километров;

— угол наклона орбиты к экватору 64 градуса 56 минут.

Начальный период обращения корабля-спутника составляет 88,6 минуты. Вес космического корабля-спутника «Восток-2», без учета веса последней ступени ракеты-носителя, составляет 4.731 килограмм.

С летчиком-космонавтом тов. Титовым установлена и поддерживается двухсторонняя радиосвязь.

На борту корабля установлен также передатчик «Сигнал», работающий на частоте 19,995 мегагерц.

Бортовые системы, обеспечивающие жизнедеятельность летчика-космонавта, функционируют нормально.

Самочувствие летчика-космонавта товарища Титова Германа Степановича хорошее.

Полет советского космического корабля, управляемого человеком, протекает успешно.

ВТОРОЙ ОБОРОТ ВОКРУГ ПЛАНЕТЫ

На втором обороте вокруг Земли космонавт майор Титов с борта космического корабля-спутника «Восток-2» передал ряд сообщений, свидетельствующих о том, что полет проходит успешно.

Конструкция корабля-спутника и его оборудование работают нормально.

Самочувствие товарища Титова отличное.

Двухсторонняя радиотелефонная связь с космонавтом на ультракоротких и коротких волнах проходит хорошо.

По телевизионным линиям с Земли ведется наблюдение за космонавтом и его работой с приборами.

Пролетая над Африкой, майор Титов с борта корабля-спутника «Восток-2» передал приветствие народам Африки.

Телеметрическими измерениями ведется контроль за состоянием космонавта и за работой оборудования корабля. По показаниям приборов, состояние космонавта хорошее, частота пульса 88 ударов в минуту, частота дыхания 15—18 в минуту. Внутри кабины поддерживаются нормальные условия для жизнедеятельности. Пролетая над территорией Советского Союза в 10 часов 38 минут московского времени, летчик-космонавт тов.

Титов Герман Степанович передал приветствие Центральному Комитету КПСС, Советскому правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву:

Москва, Кремль

Докладываю с борта советского космического корабля «Восток-2» ЦК КПСС, Советскому правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву: полет советского космического корабля «Восток-2» проходит успешно. Все системы корабля функционируют нормально. Самочувствие хорошее. Прошу передать сердечный привет всему советскому народу.

Космонавт ТИТОВ.

Товарищ Н. С. Хрущев направил космонавту Г. С. Титову следующую радиограмму:

Борт космического корабля-спутника «Восток-2», товарищу Г. С. ТИТОВУ

Дорогой Герман Степанович!

Только что получил Вашу телеграмму с борта космического корабля-спутника «Восток-2».

Все советские люди бесконечно рады успешному полету, гордятся Вами. Сердечно поздравляю Вас, верного сына нашей Родины, славной Коммунистической партии. Ждем Вашего возвращения на Землю.

Обнимаю.

Н. ХРУЩЕВ

6 августа 1961 года.

Космонавт майор Г. С. Титов, пролетая над Москвой, на приветственную телеграмму Н. С. Хрущева ответил:

Передайте большую благодарность Никите Сергеевичу Хрущеву за его отеческую заботу. Большое спасибо! Большое спасибо!

Я непременно выполняю задание партии и правительства по программе полета полностью.

Все идет отлично. На борту порядок. Так и передайте Никите Сергеевичу.

Космонавт майор ТИТОВ.

6 августа 1961 года.

В 11 часов 48 минут (московское время) корабль-спутник «Восток-2» закончил второй оборот вокруг Земли и начал третий оборот.

ТРЕТИЙ ОБОРОТ

Полет советского космического корабля-спутника «Восток-2» с космонавтом товарищем Титовым на борту протекает успешно, в соответствии с программой. В настоящее время космический корабль-спутник совершает третий оборот вокруг Земли. С космонавтом поддерживается двухсторонняя радиосвязь на коротких и ультракоротких волнах.

Принятые телевизионные изображения космонавта, телеметрическая информация о его состоянии и о климатических условиях в кабине корабля-спутника свидетельствуют о нормальном протекании полета космонавта. Самочувствие товарища Титова отличное. Полетное задание выполняется космонавтом майором Титовым в соответствии с программой. Полет в космосе продолжается.

Во время третьего оборота, пролетая над Европой, майор Титов передал с борта корабля-спутника приветствие народам Советского Союза и Европы.

В конце третьего витка, с 12 часов 30 минут до 13 часов, товарищ Титов обедал. Обед космонавта состоял из трех блюд. В конце обеда космонавт передал: «Пообедал, самочувствие отличное».

ЧЕТВЕРТЫЙ ОБОРОТ

Во время четвертого витка корабль-спутник пролетел над Мадридом, Парижем, Копенгагеном, Ленинградом, Улан-Удэ, Шанхаем, Сиднеем. В начале четвертого витка, в соответствии с программой полета, у космонавта был часовой отдых. После отдыха космонавт провел физзарядку и приступил к дальнейшему выполнению работ, предусмотренных полетным заданием.

В конце оборота, находясь над Южной Америкой, майор Титов передал приветствие народам Южной Америки.

В докладах, переданных с борта корабля-спутника «Восток-2», майор Титов сообщает о безотказном функционировании всей аппаратуры, установленной на корабле. В течение часа он производил испытания системы ручного управления кораблем-спутником.

После окончания испытаний он доложил о хорошей управляемости корабля-спутника при маневрировании с помощью ручного управления.

ПЯТЫЙ ОБОРОТ

За семь часов полета вокруг земного шара советский космический корабль «Восток-2» пролетел 200 тысяч 400 километров. При полете на пятом обороте космонавт майор Герман Степанович Титов сообщил: 15 часов 07 минут: «На борту порядок, самочувствие отличное». 15 часов 08 минут: «Программа четвертого витка выполнена полностью». 15 часов 30 минут: «Прохожу экватор, невесомость переношу отлично».

При полете над территорией Советского Союза по радиотелевизионной системе поступали изображения, пока-

зывающие спокойное и улыбающееся лицо советского космонавта; по многоканальной радиотелеметрической системе продолжала поступать обширная информация научного характера, а также подробные данные о функционировании систем корабля-спутника «Восток-2».

Пролетая над Гуанчжоу, майор Титов передал приветствие народам Азии, а пролетая над Мельбурном, передал приветствие народу Австралии.

ШЕСТОЙ ОБОРОТ

За восемь с половиной часов полета космический корабль «Восток-2» пролетел 238 тысяч 400 километров и в 17 часов 42. минуты завершил шестой оборот вокруг Земли. В 16 часов 55 минут на борт космического корабля «Восток-2» космонавту товарищу Титову была передана радиограмма от летчика-космонавта СССР Юрия Алексеевича Гагарина: «Дорогой Герман! Всем сердцем с тобою. Обнимаю тебя, дружище. Крепко целую. С волнением слежу за твоим полетом, уверен в успешном завершении твоего полета, который еще раз прославит нашу великую Родину, наш советский народ. До скорого свидания.

Твой Юрий Гагарин».

Товарищ Титов подтвердил получение приветствия товарища Гагарина и выразил ему сердечную, дружескую благодарность.

В 17 часов космонавт поужинал.

Продолжая космический полет на корабле «Восток-2», Герман Степанович Титов к 18 часам 00 минут шестой раз облетел Землю. Космонавт вновь включал ручное управление, и корабль послушно следовал за движением руки пилота.

СЕДЬМОЙ ОБОРОТ

В 17 часов 42 минуты космический корабль «Восток-2» начал седьмой оборот вокруг Земли.

Полет космического корабля «Восток-2» продолжается.

В 18 часов 15 минут московского времени космонавт Герман Степанович Титов, пролетая над Москвой, сообщил:

«Дорогие москвичи! В кабине все по-прежнему. Давление нормальное, отличное давление. Влажность 70 процентов. Температура 18 градусов Цельсия. Полнейший комфорт. Полнейший комфорт. Вам этого желать только остается. Все идет хорошо. Все идет отлично. Прошу передать дорогим москвичам спокойной ночи. Я сейчас ложусь спать. Как хотите вы, а я ложусь спать».

В соответствии с программой полета с 18 часов 30 минут 6 августа до 2 часов 7 августа космонавту отводится время на отдых и сон, поэтому двухсторонняя радиосвязь с ним временно прекращена. Радиотелеметрический контроль за работой аппаратуры корабля-спутника, аппаратурой обеспечения жизнедеятельности и состояния космонавта продолжается.

По последним данным радиотелеметрического контроля, пульс космонавта во время сна нормальный — 58 ударов в минуту.

ДЕСЯТЫЙ ОБОРОТ

К 23 часам 45 минутам корабль-спутник «Восток-2» совершил десять оборотов вокруг Земли и пролетел 410 тысяч километров, что больше расстояния до Луны.

По данным радиотелеметрических измерений, аппаратура корабля функционирует нормально.

Состояние космонавта хорошее. На 23 часа 26 минут московского времени частота пульса 58 ударов в минуту.

Полет советского корабля-спутника «Восток-2» продолжается успешно.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ОБОРОТ

Летчик-космонавт Герман Степанович Титов на космическом корабле «Восток-2» к 3 часам московского времени 7 августа 1961 года совершил 12 оборотов, пролетев 537 тысяч 300 километров. Параметры орбиты космического корабля продолжают оставаться близкими к расчетным.

Космонавт проснулся в 2 часа 37 минут и начал выполнять работу по графику.

С борта корабля «Восток-2» майор Титов сообщил, что спал хорошо, все оборудование корабля работает нормально, в кабине поддерживаются заданные гигиенические условия, самочувствие отличное.

Во время сна частота пульса у космонавта находилась в пределах от 53 до 67 ударов в минуту.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ОБОРОТ.

Продолжая космический полет на корабле-спутнике «Восток-2», космонавт майор Титов Герман Степанович к 6 часам московского времени вышел на 15-й оборот вокруг Земли. Самочувствие космонавта остается отличным. Хорошо позавтракав в 5 часов 45 минут, космонавт продолжает работы, предусмотренные программой научных исследований.

На борту космического корабля-спутника «Восток-2» установлена многочисленная аппаратура. В ее состав входят радиотехническая система траекторных измере-

ний; многоканальные телеметрические системы, обеспечивающие объективное наблюдение за состоянием космонавта и контроль работы всех бортовых устройств; приемно-передающая коротковолновая и ультракоротковолновая аппаратура связи, включающая бортовой магнитофон, предназначенный для записи речи космонавта и автоматического ускоренного считывания записи по команде с Земли.

Во время отдыха космонавту предоставлена возможность пользоваться широкополосным приемником для приема передач на средних и коротких волнах.

На борту установлена разнообразная научная аппаратура. Для получения дополнительных данных по изучению влияния космической радиации на живые организмы на борту находятся биологические объекты. Во время полета наблюдение за землей и небом производится через три иллюминатора. Космонавт имеет возможность пользоваться при желании оптическим прибором 3- и 5-кратного увеличения.

Полет корабля-спутника «Восток-2» происходит в полном соответствии с заданной программой.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ОБОРОТ

К 8 часам 20 минутам московского времени корабль-спутник «Восток-2» заканчивал свой 16-й оборот вокруг Земли. За это время космонавт майор Титов пролетел 654.800 километров.

ЗДРАВСТВУЙ, ЗЕМЛЯ!

Советский космический корабль-спутник «Восток-2», пилотируемый космонавтом майором Титовым Германом Степановичем, совершил более 17 оборотов вокруг земного шара в течение двадцати пяти часов восемнадцати минут и пролетел свыше семисот тысяч километров.

В связи с успешным завершением программы научных исследований в соответствии с утвержденным полетным заданием была произведена посадка корабля-спутника «Восток-2» в заданном районе Советского Союза, вблизи исторического места посадки корабля-спутника «Восток-1» 12 апреля 1961 года с пилотом-космонавтом майором Юрием Алексеевичем Гагариным.

Товарищ Г. С. Титов здоров и чувствует себя отлично. Беспрецедентный в истории человечества длительный космический полет советского космонавта успешно завершен. Полученные результаты исследований открывают широкие перспективы дальнейшего развития космических полетов человека.

РАКЕТА ИДЕТ ВВЫСЬ

Стоит жара. Наша машина несется по асфальтированной глади дороги среди бескрайней равнины. Мимо мелькают поселки и города, мачты высоковольтных линий, уходящие за горизонт. И вдруг на поворотах, вдаль, мы начинаем различать ажурное сооружение. Подъезжаем ближе. Через плотное переплетение металлических конструкций поблескивает сигарообразное тело многоступенчатой ракеты. Огромные фермы бережно и вместе с тем крепко поддерживают ее, словно боясь, что она может умчаться ввысь без разрешения ее творцов. Это стартовая площадка. На конструкциях, окружающих космический корабль, видны люди. По радио то и дело отдаются короткие, четкие команды. Идут последние приготовления к полету.

С вершины ракеты спустился лифт, и из него на площадку вышел небольшого роста паренек в синей в клеточку тенниске, заправленной в легкие серые брюки. Он быстро спустился по лесенке вниз и подошел к группе людей во главе с главным конструктором — человеком, держащим в своих руках все нити подготовки к путешествию в небесные высоты. Мы, наверное, не обратили бы

внимания на паренька в синей рубашке, так похожего на многих рабочих, если бы сосед не шепнул на ухо:

— Это космонавт,— Герман Степанович Титов;

Подходим ближе, чтобы посмотреть. Едва приметный ветерок ласкает русые волосы Германа Титова. Глаза у него серые, полные той живинки, которая отличает людей смекалистых, энергичных, пожалуй, ему не дашь 26 лет. Он выглядит моложе. От всей его фигуры, от всего облика веет здоровьем, жизнерадостностью. Смотришь на него, как он заразительно смеется, шутит, и думаешь: это замечательный сын нашего великого советского народа, народа оптимистического, исполненного веры в свое еще лучшее завтра, народа, который, построив социализм, обсуждает сейчас программу строительства коммунизма, предложенную партией. И, пожалуй, здесь, на космодроме, по-особому оцениваешь легкое сравнение, когда проект Программы КПСС называют космической ракетой, запущенной в будущее, с высоты которой зримее становится коммунизм — прекрасное завтра.

...Утро 6 августа. Солнце, огненное и жаркое, поднялось над степью, позолотив серебристый корабль, у строения космодрома, цветы, посаженные вдоль тротуара. На командном пункте собрались члены государственной комиссии — видные советские ученые, конструкторы, инженеры-испытатели, личный состав стартовой команды. Председатель комиссии открывает заседание, последнее перед полетом корабля. До предела лаконичны доклады. Смысл их можно изложить в нескольких словах: «К полету все готово».

Государственная комиссия назначает час старта.

...Пустынна стартовая площадка. Здесь остались лишь самые необходимые люди. Время течет быстро и приближается к моменту, когда космический корабль унесется в небесные дали. Вот показался голубой авто-

бус, в котором едет космонавт. Герман Титов выходит из автобуса и направляется к площадке, откуда лифт доставит его в кабину. На нем оранжевого цвета скафандр, шлем с надписью: «СССР». Он идет несколько неуклюже. Скафандр, конечно, не для земных прогулок. Под скафандром укреплены различные датчики. Они передают на Землю объективные данные о физическом состоянии пилота.

Попрощавшись со своими друзьями, будущими космонавтами, Герман Титов идет к лифту. Глаза его светятся радостью, широкая улыбка не сходит с лица.

Герман поднимается по лестнице к площадке, где установлен лифт, и обращается к собравшимся, ко всему советскому народу с приветственными словами. Дружно, горячо аплодировали космонавту все те, кто в этот момент был на космодроме!

Мы видим, как Герман Титов входит в кабину. Пройдет немного времени, и будет дана команда «подъем».

Для наблюдения за взлетом корабля мы находимся на специальной площадке, примерно в полутора километрах от старта. Но мы не отрезаны от того, что происходит там, на космическом корабле. Радио доносит последние команды.

Объявляется 10-минутная готовность...

Председатель государственной комиссии спрашивает космонавта о его самочувствии.

— Самочувствие прекрасное, прекрасное,— подчеркивает Герман Титов.— Спасибо за внимание.

Объявляется 5-минутная готовность...

И наконец в наступившей тишине раздается последнее:

— Подъем!

— Есть, подъем!

Издали нам видна серебристая ракета, уже полностью освобожденная от всех поддерживающих ее

ферм. Еще секунда — 9 часов ровно. И ракета, движимая какой-то неведомой, чудодейственной силой, медленно, кажется, очень медленно, отрывается от земли. Набрал сил, она все быстрее и быстрее устремляется ввысь, как бушующий огненный шар. В этот момент кажется: два солнца светятся над Землей. Но одно становится все меньше и меньше. На сравнительно небольшой высоте космический корабль отклоняется в сторону и идет по заданному курсу на орбиту.

Радио передает первые слова Германа Титова, обращенные к Земле из космоса.

— Иду над Землей, над самой нашей Родиной.

Через несколько минут еще одна фраза:

— Плавно, плавно-то как идет корабль!

Его густой баритон так хорошо слышен, как будто он здесь, недалеко от нас. А между тем уже многие километры отделяют его от старта. И снова голос Германа Титова:

— Будьте здоровы, товарищи! До скорой встречи.

— До скорой встречи, — желают товарищи ему. Доброго пути желают ему все люди советской земли.

А. РОМАНОВ,
спец. корр. ТАСС,

Космодром, 6 августа.

В РАЙОНЕ ПРИЗЕМЛЕНИЯ

В районе, где ждали приземления космонавта майора Титова, раннее утро застало бодрствующими всех, кто должен был готовить встречу человеку, пробывшему в звездном мире целые сутки.

Еще кораблю «Восток-2» предстоит сделать несколько витков, а в штабе группы все на местах. Как в тот памятный день 12 апреля, когда Земля ждала Юрия Гагарина, здесь люди, вооруженные нагрудными микрофонами и наушниками, в который раз отработывают и контролируют действия служебного механизма доставки космонавта с места приземления в населенный пункт.

Звенья этого механизма различны — самолеты, вертолеты, радио. Все они нужны для того, чтобы не потерять ни минуты после того, как космонавт приведет свой корабль в район посадки и спустится на Землю.

Еще не был окончен предпоследний виток, когда наш корреспондент выехал на аэродром, где базируются вертолеты, средства для доставки. Здесь, у командного пункта, толпятся летчики. В отверстие форточки выставлен репродуктор. Слушают Левитана, читающего очередное сообщение ТАСС о том, как идет полет Титова. Может быть, это — последнее перед приземлением.

Тем временем на «КП» группы насторожились антенны коротковолновых станций — близок момент, когда «Восток-2» начнет отсчитывать свои последние тысячи километров.

Уходят в воздух машины. Они будут дежурить, чтобы по первому сигналу помчаться к спускающемуся кораблю.

Истекли сутки напряжения, в котором находилось все человечество после старта «Востока-2». Сутки. Двадцать четыре часа. Одна триста шестьдесят пятая года. Но в течение суток совершаются все основные жизненные циклы: человек спит, работает. В следующие сутки он все это повторяет. Грубо говоря, если нормально прожить одни сутки, значит, и другие не страшны. Это понимает каждый, и в этом особое значение полета Германа Титова. Он доказал, что в кабине советского космического корабля можно нормально и долго жить.

Да, исторические сутки позади. С командного пункта поступает сообщение: слышны позывные приближающегося «Востока-2». Еще два самолета выходят на старт. В одном из них ваш корреспондент. Корабль, вернувшийся из небывалого путешествия, снижается. Так сообщило радио, когда мы уже поднялись. Под самолетом — летняя степь. Огромные прямоугольники, колхозных полей — желтые, покрытые стерней, шоколадные — уже вспаханная земля. Зеленеет кукуруза. Самолет идет низко, и его болтает. Можно бы идти и повыше, но...

Радио передало: Герман Титов — на Земле. Значит, мы его увидим.

Нашим пилотам не терпится первыми, хотя бы с воздуха, увидеть чудесный подзвездный корабль и его удивительного командира.

Самолет немножко рыскает то вправо, то влево — ищем Титова. Степь очень ровная, видно все — даже гусей на маленьком пруду близ села. Но высятся над

степью только скирды соломы. Вот что-то белое правильной геометрической формы. «Восток-2»? Нет! Это цистерна для горючего, оставленная трактористами. Прекращаем самостоятельный поиск. Радио передало, что Титов уже в населенном пункте, куда направляется наш самолет. Это совсем рядом. Аэродром виден из иллюминатора. Там уже народ. Видно, тут собрались все, кто здесь живет.

Когда мы селись, Германа Титова на аэродроме уже не было. Он говорил по телефону с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Зато было множество очевидцев того, как приземлился космонавт.

Вот наконец и «газик», в котором едет Титов. Из открывшейся дверцы первым показывается огромный букет цветов — успели-таки преподнести космонавту! А вот и он, счастливый, улыбающийся. Ветер взъерошил его кудрявые волосы, и от этого он кажется еще симпатичнее и роднее. В знакомом голубом комбинезоне, прижимая к груди букет, поднимается он по трапу самолета, где ждут его врачи, корреспонденты, спортивный комиссар. Все они вынуждены были остаться здесь. Из самолета не выйти — кругом толпа такая, что яблоку негде упасть.

Космонавт останавливается на трапе, оборачивается к провожающим:

— Спасибо за теплую встречу, товарищи! Чувствую себя отлично. Сделал все, что мог, чтобы как можно лучше выполнить задание!

Вот наконец Титов в нашем самолете. Рукопожатия, объятия, поцелуи. Но взрыв восторга решительно пресекают врачи: их интересы должны соблюдаться прежде всего. Нужен тщательный анализ состояния организма космонавта, чтобы узнать, как повлияла космическая среда на человека, как сумели противостоять ей сред-

ства защиты, придуманные медиками и инженерами. Но Титову понятны и наши желания.

— Да, да, товарищи! Я чувствую себя отлично! И там, и здесь,— говорит он, снимая свой небесный комбинезон. Врач, чуть сердитый на беспокойных журналистов, измеряет давление крови.

— 120/70,— произносит он.— Молодец ты, Герман!

Но все же врач заставляет его прилечь, и человек, который бесстрашно более суток оставался один-на-один со Вселенной, покорно ложится. Он улыбается. Похоже, что хорошая улыбка — одно из обязательных качеств советского космонавта. И если вдуматься, то, наверное, это так,

Г. ОСТРОУМОВ,
спец. корр. «Известий».

КОСМОС, ЧЕЛОВЕК, МИР

Он летел без неба над головой. То, что мы называем небом, — течение и свечение облаков, синее и зеленое мерцание воздуха, — оставались под ним. А над ним была только фиолетового оттенка чернота с непривычно выпуклыми звездами и косматым солнцем — не низ, не верх, не даль, а бездна выси, бездна низа, бездна дали. Бесконечность пространств и миров. Семнадцать с лишним витков вокруг планеты, семнадцать раз за одни сутки видел он восходы и закаты на земле. Он отдыхал восемь часов, по оптимальной земной норме, а за это время для него промелькнуло несколько ночей и дней. Это было как раз то, что привыкший к земным масштабам разум, вооруженные лишь земной мерой чувства воспринимают со скепсисом не только в фантастических романах, но и в доказательных статьях ученых. И все же это была такая же реальность, как то, что Герман Титов советский человек и наш современник.

Мы знаем великую, полную драм и трагедий, — как писал один поэт, «с гробами в небе». — битву человека, рожденного бескрылым, за отращивание собственных крыльев. Он и отрастил их, но как долго был этот процесс и какую цену пришлось за него уплатить! Однако под крыльями был воздух, привычная сравнительно среда, опора. Битва за полет без крыльев вне воздушной

среды, в безднах Вселенной короче, но яростнее, накаленнее, напряженнее. Она требовала не только технической сметки и смелости одиночек, а неизмеримо большего — просвещенности, высокоинтеллектуального развития всего народа, научного и технического гения целых коллективов, фантастических возможностей промышленности, высшего личного мужества. В ракете работает сила тяги, равная по мощности величайшим электростанциям земного шара, — только советскому гению удалось ее сконцентрировать в таком небольшом объеме. Метеоры сгорают, входя в атмосферу, а наши ракеты в озарении пламени и со шлейфами искр невредимыми возвращаются на землю — это сделано впервые на земле советским гением. В корабле-спутнике работает электроника, выполняющая функции математика, астронавта и врача одновременно, электроника, чем-то схожая с высокоразвитым мозгом, — это сделали наши современники, с которыми мы запросто встречаемся на улице, в метро и в театре. Наконец при полете в воздухе, как бы ни был он опасен, человек психологически все еще связан с Землей, все еще чувствует ее привязь и опору. Человек в космосе отделяется от Земли, летит вместе со своим кораблем по законам небесной механики. Он сбрасывает с себя самую постоянную для нас со дня рождения силу — силу земного притяжения, и живет в условиях невесомости. Только радиоволны связывают его с Землей. Великое одиночество, которое неизбежно приходит к нему — о страшной, деморализующей силе этого одиночества почти единодушно пишут американские фантасты, — может быть морально преодолено только воспитанным с детства чувством связи с коллективом, со своим народом.

Первый шаг в эту неведомую дотоле сферу сделал Юрий Гагарин — он обогнул Землю по океану космоса. Второй шаг сделал его товарищ Герман Титов — гигантский шаг, по длине равный расстоянию до Луны и обрат-

но. Он уже не просто проплыл по космическому океану, а жил в нем — работал, ел, спал, может быть, видел сны. Спал, пролетая над Азией и Африкой, Европой и Америкой. Работал, пролетая над океанами и материками. За секунду до запуска ракеты Юрий Гагарин сказал весело и непринужденно, как говорят ребята, начиная спуск на санках с горы: «Ну, поехали!» Одолев немыслимое расстояние в четверть миллиона километров, Герман Титов пожелал москвичам спокойной ночи и, вероятно улыбаясь, прибавил: «Я сейчас ложусь спать. Как хотите вы, а я ложусь спать».

Для того чтобы улыбаться и с ребяческой непосредственностью шутить в такие минуты, мало личного мужества. Необходимо, чтобы пламя такого мужества и решительности горело в самом народе, необходимы тысячи и миллионы больших и малых побед народа. Это революционное пламя, зажженное в нашем народе коммунистами, горит, и притом все ярче; эти миллионы побед, на которых покоится моральный и психологический фундамент мужества и веры, одержаны. И потому в удивляющем весь мир оптимизме Юрия Гагарина и Германа Титова, в этой чудесной непосредственности и раскованности мышления при самых грозных испытаниях проявляются не только индивидуальные характеры — они, между прочим, отнюдь не стопроцентно схожи, эти характеры Гагарина и Титова, — а великолепные качества советского молодого человека вообще, жизнелюбие и оптимизм миллионов их сверстников.

В космос, на его длинную и широкую дорогу с уверенностью и безаварийностью, какой не знала история борьбы человека за крылья, вышла не просто страна, а социалистическая страна и социалистическая система, не просто человек, а человек социалистического мира. Он, этот человек, не болел недугами частнопредпринимательства и приобретательства, себялюбия и индивидуализма,

его великолепнейшее духовное здоровье выпестовано в условиях коллективизма, любви человека к человеку. И когда он шутит перед прыжком в бездну, и когда он желает своим землякам спокойной ночи и сам ложится спать в соседстве со звездами, в этом выражается победа коммунистического мышления и воспитания, не меньшая, чем сам полет в космос.

А мир? Что думает он?

Современный мир един лишь постольку, поскольку он размещается на одной планете. Во всем остальном есть два мира, находящихся в идейном и идеологическом боении, которое определяет динамику всех событий и характер всех комментариев. Мы без иллюзий верим в сосуществование, как в альтернативу чудовищным бедствиям термоядерной войны, но было бы иллюзией допустить сращение коммунизма и капитализма в нечто среднее. Это было бы уродливое дитя на хилых ногах. Две идеологии — это две дороги, одна из которых, старая и трагическая, больше никуда не ведет, и другая, новая, которая открывает на земле жизнь подлинно свободную, изобильную, разумную. Гигантский прорыв в космос майора Германа Титова на корабле «Восток-2» треть человечества на новой, социалистической дороге воспринимает как закономерное свое торжество и подтверждение правоты своего пути. Миллионы людей на старой дороге, поднимая глаза к звездам, где летел легендарный «кремлевский корабль», размышляли, сравнивали и «левели» — не потому, что они в этот миг уже сразу и все до конца поняли, а потому, что, будучи разумными существами, они честно ищут наилучшего пути для себя и своих сограждан. Полет Германа Титова — это еще один солидный довод на чашу весов, склоняющихся в пользу коммунизма. К тому же в их — да, чего уж греха таить, не только в их, а и в нашем, и даже врагов наших, — сознании блестяще, даже с какой-то арти-

стической точностью завершенная программа полета ассоциируется с коммунистической Программой на двадцатилетие и ее завершением. Скажем прямо, никто не гарантирован от каких-то случайностей в будущих космических полетах, но уже ни у кого нет сомнения, что они будут преодолимыми частностями, что человек никогда уже не станет на четвереньки и не уползет в пещеру, а будет летать все дальше к звездам. Никто не гарантирован, что в выполнении программы КПСС, проект которой сейчас обсуждается, не будет временных трудностей: Они были, они будут — не те же, а новые. Таков закон развития. Но даже «специалисты по русским делам» в Нью-Йорке и Бонне, изливая на страницы газет казенный скепсис, точно знают, что они лгут, что они обманывают без надежды обмануть. Мы дожили до замечательной, таящей в себе громадные благотворные перемены поры, когда лозунги антикоммунизма становятся темой сатириков всего мира, когда неверие в силы и возможности Советского Союза становится признаком невежества и глупости даже в буржуазном обществе!

Флагманский корабль капитализма — Америка — давно плывет под идеологически изодранными парусами системы «частного предпринимательства». Он, этот флагман, отдан на волю волн, так как его паруса не захватывают ветер двадцатого века. И напрасно его капитаны до боли в глазах смотрят в подозрительные трубы — они не видят берега, который мог бы стать достойной целью плавания для страны и народа; напрасно потеют рулевые у штурвалов — судно, у которого нет энергии движения, неуправляемо. До самых последних лет они хвастались своей промышленностью и техническим превосходством. Спутники и лунники с «кремлевской маркой» положили на это превосходство не одну жирную красную черту, а полет Германа Титова на корабле «Восток-2».

перечеркнул его еще раз от края до края. В Уругвае происходит совещание латиноамериканских стран по программе «Союз для прогресса», разработанной «командой Кеннеди». Многие латиноамериканские обозреватели, понимая, в чьи ворота должны лететь мячи, называют его «Союзом против прогресса»: А когда под приэкваториальными звездами прошел корабль «Восток-2», у многих присутствующих на конгрессе, как сообщают телеграфные агентства, возник здоровый скепсис, который может быть выражен так: «С чего бы это Америке и президенту Кеннеди рядиться под лидеров прогресса, если они сами не могут догнать Советский Союз и плетутся в хвосте?»

Здравый вопрос. Опасный для капиталистической Америки вопрос.

Сказать, что человечество имело когда-нибудь время для ничегонеделания и безмятежного созерцания, значит поставить факты с ног на голову. Жизнь есть движение, а где движение, там не может быть ни застоя, ни покоя. Но с весны этого года нервы мира находятся под особой нагрузкой, как провода высокого напряжения. И основной вклад в эту предельную нагрузку делает американская политика. Тут нет необходимости заниматься ее подробным анализом, но кое о чем нельзя не сказать. Полет Юрия Гагарина, и отнюдь не по нашим патристическим оценкам, а по выводам мировой прессы дал человечеству гордое сознание того, что оно перешло в новую эру своего бытия — в космическую эру. А через несколько дней по нервам человечества ударила весть о нападении на Кубу. Это нападение организовали и благословили из Белого дома, а осуществили его политические подонки, которые, подобно свинье, по своей природе не могут поднять голову к звездам от корыта с месивом. Потом, наспех смазав патентованными средствами дезинформации ожоги самолюбия, руководители Америки

организовали два запуска высотных ракет, один из которых чуть не стал трагедией под занавес. Мы приветствовали это достижение американских ученых и техников — это ведь тоже достижение — и самообладание Шепарда и Гриссома. Но, отдавая эту дань, весь мир понимал, что по сравнению с полетом Гагарина вокруг земного шара это всего лишь подпрыгивание на небольшом куске планеты, весьма далекое от совершенства, явленного советской космонавтикой. И все же это куда лучше и достойнее, чем связываться с политическим отребьем для авантюры по мотивам экономического корыстолюбия.

Но мы уже сказали, что американский флагман капитализма неуправляемо носится по волнам. Из неизбежности послевоенного урегулирования германской проблемы «команда Кеннеди» сотворила проблему «западно-берлинского кризиса». И ударили барабаны войны. Военный бюджет Америки подскочил выше ракет Шепарда и Гриссома. Снова погибали в строй старые корабли и самолеты. По радио, телевидению, газетам пронесся вопль: «Больше оружия, атомных и термоядерных бомб!» Заплакали жены, дети, родственники более чем двухсот тысяч резервистов, которые должны быть призваны на службу в армию. Объявлено о приспособлении зданий под противоядерные убежища — наивная программа укрытия капустным листом от термоядерной бомбы. И все это — под предлогом защиты «свободы» и американского «авторитета».

А что означает на самом деле этот политический рок-н-рол?

Президент Кеннеди, оправдывая доспешное обнажение томагавков и выход на тропинку войны, в одной речи чуть не двадцать раз произнес слово «свобода», которую Америка якобы исторически призвана защищать. Но ведь это слово в устах американцев давно приобрело значение, мягко говоря, ему несвойственное и даже скандаль-

ное. Попытка и все еще лелеемые планы удушения Кубы — это защита свободы? Лобызания с диктатурой Франко — это дань свободе? Роман с Португалией, у которой руки в крови африканских народов, — это серенада свободе в бронированной беседке НАТО? Признание Чан Кай-ши, марионетки на острове, «лидером Китая» и недопущение в ООН, международную «организацию справедливости», народного Китая с шестисотмиллионным населением — это уважение к свободе народов? Упрятывание в тюрьму американских борцов против расизма, участников «Рейсов свободы» — это образец свободы?

Да полно врать-то! По своей глубокой сути американские разглагольствования о свободе — это обшарпанный от долгого употребления образец политической демаггии. И самое главное — какова идея, какова конечная цель американского движения? Таковых не обнаруживается. Просто «статус-кво», нечто вроде лошади на круге и белки в колесе. Но кто пойдет за пророком, который не знает, куда зовет и ведет? Разве что те, кому уже нечего терять в этом мире...

Еще любопытнее обстоит дело с «авторитетом». Скажем «команде Кеннеди» вполне desirable, но не вдаваясь в подробности: отставание США в космосе, в науке, в самых современных проявлениях техники, в просвещении, в культуре подрывает «авторитет» США куда безоговорочнее и быстрее, чем любые разумные международные переговоры, в том числе по Западному Берлину. Если не верят, пусть подсчитают плоды «политики с позиции силы», когда эта сила у них еще была. И прикинут, хотя бы с помощью электронной машины, урожай, который даст им «позиция силы», когда этой силы в наличии-то уже и нет. Когда пишутся эти строки, говорят, что президент Кеннеди пожелал Герману Титову благополучного возвращения из космоса и выразил надежду, что достижения подобного рода пойдут на пользу пере-

говорам по важным проблемам. Если это искренне, то это умно и полезно, то это можно приветствовать. А бряцание оружием нашей воли не сломит. Не те мы люди. Но зато заведет бряцающих туда, куда, как говорится, и Макар телят не гонял.

Так в полете корабля-спутника «Восток-2» сливаются проблемы космоса, человека и мира.

И мы недаром в радостном возбуждении и ожидании финиша забывались тревожным сном при включенных приемниках, когда Герман Титов спокойно спал в кабине корабля, выполняя задание, — его полет уже есть выполнение части Программы Коммунистической партии Советского Союза в пору, когда она еще является проектом.

Но проект станет Программой.

А программа будет выполнена, хотя для этого потребуются всенародные усилия и время.

Мы ведь живем и работаем в превосходном, оптимистическом мире, для которого широко открыта дорога и в космос, и в коммунизм!

Николай ГРИБАЧЕВ.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Вот какое это было время, тогда умели мечтать...

Время, когда восьмой партийный съезд утверждал новую программу партии, эту сконцентрированную мечту о реальном. Мы его с новой глубиной воспринимаем после событий, которые снова потрясли и ум, и сердце. Более суток земной человек Герман Титов жил и работал в космосе!

Пока адмиралтейцы и обуховцы в подбитых ветром шинелишках, балтийцы и черноморцы в бескозырках и черных бушлатах, перекрещенных пулеметными лентами, встречали удары отборных белогвардейских полков, оснащенных новехоньким бельгийским, французским, английским, американским, германским и японским вооружением,— там, за железным кольцом блокады, исступленно тупились продажные перья. Встревоженные негоцианты, латифундисты и биржевые дельцы требовали от газет нагромождения ужасов. Они объявляли пролетарскую революцию «стихией разрушения». Потихоньку подтапливая буржуйки собраниями сочинений Боборыкина и графа Салиаса, растерянные интеллигенты из «внутренней эмиграции» предрекали гибель культуры.

Но как же велик должен был быть напор слепой злобы, как должна была одеревенеть душа в мещанской заскорузлости буржуазного бытия, чтобы этак вот упорно и настойчиво отказываться видеть и признавать ростки

новой культуры, которые начали пробиваться тотчас, немедля, из сухой, не приспособленной еще для этого почвы, орошенной лишь кровью первых революционных боев.

Еще не отошли ожесточенные смертельные схватки, а VIII съезд партии не преминул упомянуть в принятой партийной программе, чтобы немедля «сделать доступными для трудящихся все сокровища искусств, созданные на основе эксплуатации их труда...».

Великий очистительный взрыв выпустил на волю не только огонь справедливого гнева, который настигал всех, кто поддерживал буржуазно-помещичью тиранию, но и жестоко попираемое и оскорбляемое господствующим классом устремление народа к познанию и творчеству.

Вера во всемогущество знания — вера активная и действенная — отнюдь не была наивной. Ведь и впрямь революция развязала крылья мечте. Об этом Тимирязев вдохновенно писал в книге «Наука и демократия». Воздух в боях обретенной свободы счастливо кружил даже самые крепкие головы. И ведь оправдались, сбылись пылкие надежды, которые рождались в этом радостном подъеме освобожденных сил и чувств.

Не случайно одно из популярнейших произведений художественной фантастики, вышедшее из-под пера Алексея Толстого, «Аэлита», и в его фантастических домыслах, и в его реалистичной основе было навеяно незабываемыми переживаниями первых революционных лет.

Этот озорной, лирический и мятежный роман — к слову сказать, впервые вышедший с подзаголовком «Закат Марса» — так и начинается со странного объявления, которое появилось на «облупленной стене пустынного дома» улицы Красных Зорь. Это был «небольшой, серой бумаги листок», на котором стояло: «Инженер М. С. Лось приглашает желающих лететь с ним 18 августа на планету Марс явиться для личных переговоров от 6 до 8 вечера. Ждановская набережная, дом 11, во дворе».

— Вот этот — вот так замахнулся, — на Марс! — проговорил Алексей Гусев с удовольствием и обернул к наблюдавшему за ним американскому корреспонденту Арчибальду Скайльсу загорелое беззаботное лицо.

— А вот взять и полететь с ним, очень просто, — опять сказал солдат, и усмехнулся простодушно, и в то же время быстро, с головы до ног, оглядел Скайльса.

— Вы думаете пойти по этому объявлению? — спросил Скайльс.

— Обязательно пойду.

— Но ведь это вздор — лететь в безвоздушном пространстве пятьдесят миллионов километров.

— Что говорить — далеко...

Скайльс тоже прищурил глаза, оглядел солдата, смотревшего на него именно так, как он писал о русских в одной из своих статей: «...отсутствие в их глазах определенности, то насмешливость, то безумная решительность, и, наконец, непонятное выражение превосходства — крайне болезненно действуют на европейского человека».

Немало времени понадобилось мистеру Скайльсу для того, чтобы понять источник «непонятого выражения превосходства», с которым глядел на него в холодном и темном Петрограде фронтовик Гусев.

Но эта великолепная революционная уверенность в своих силах, это родившееся в огне революции «все могу», закалившееся и окрепшее на фронтах пятилеток, разве не оно горделиво прозвучало в наши дни ракетным залпом на старте космических кораблей!

Изумленный всем виденным в России, английский фантаст Герберт Уэллс назвал Ленина «кремлевским мечтателем». Он не все еще знал тогда о ленинском умении мечтать. В конце 1920 года на конференции изобретателей в Москве Ленин с интересом вглядывался в проект межпланетного корабля-самолета, который раз-

вернул перед собранием ученый-латыш Фридрих Артурович Цандер.

«В конце беседы Владимир Ильич крепко пожал мне руку и обещал поддержку», — рассказывал впоследствии Цандер.

Это Ленин поддержал полет Юрия Гагарина, потому что, как хорошо сказал Никита Сергеевич Хрущев, неразрывна связь наших сегодняшних достижений с былыми крылатыми устремлениями нашего талантливого и мудрого народа и его детей.

Да, эта связь неразрывна, и вспоминаем мы далекие годы «почина» не затем, чтобы еще раз измерить крутизну сегодняшнего нашего взлета, а, скорее, чтобы согреть душу близостью переживаний.

Несчетно умножилось наше знание и умение его добывать.

Бессонные стражи Вселенной — астрофизики — подняли свои дозоры к вершинам Кавказских гор. Восстали из разрушений войны Пулково и Симеиз, устремив навстречу сонму галактик телескопы, улавливающие «голоса космоса». Вот уж не только радиолуч, а и могучий межпланетный корабль покинул земные пределы и вынес на межзвездный простор человека. И таких, о каких и не мнилось автору печальной и лирической «Аэлиты». Говорится это ему не в укор, ибо не всякого, даже самого светлого ума доставало, чтобы в те годы примыслить сверхфантастически быстрый расцвет социалистической нови.

Вот один из них сейчас в гостях у всего света — наш простой и находчивый, образованный и сердечный, убежденный и вдохновенный — наш дорогой современник, советский человек, коммунист. Он от всей души приветствует подвиг своего собрата. В его светлой душе нет места ни одному мелкому эгоистическому чувству; ему чужда ревность к новому успеху. Одна лишь чистая радость за удачу друга, за успех страны светится в его лучезар-

ной улыбке. И этот новый герой нашего времени — второй посланец и столь же достойный представитель нашего бесконечно отважного и талантливового народа, для которого подвиг во имя настоящего и во имя будущего стал нормой существования.

И это тоже не финиш. Это — развитие старта. Новые подвиги, новые свершения — в том числе и полеты в космос — начертаны в новой Программе партии, которую вместе с предстоящим партийным съездом поднимает как знамя свое весь народ.

Я думаю сейчас о том, как будет писать о наших днях литератор двухтысячного года. Коль скоро речь зайдет об исполнении новой Программы партии, он припомнит ту пору, когда мир был расколот и агрессивные устремления воинствующего империализма грозили миру. Ту самую пору, когда страна свободного труда и передовой науки блистательно продвинулась во всей науке о жизни и первая вышла в космические просторы.

«Вот какое это было время,— так начнет он свой рассказ.— Тогда умели мечтать»...

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Гордость человечества

В памяти человечества еще свежи воспоминания о дне, ознаменовавшем утро новой, космической эры. Со всем недавно, 12 апреля, первый в мире летчик-космонавт майор Юрий Алексеевич Гагарин облетел земной шар на космическом корабле «Восток». Казалось, после этого изумившего весь мир подвига человечество уже ничем не удивишь. Но триумфальный полет был лишь первой советской ласточкой в космосе. Выступая на митинге в день, когда Москва приветствовала замечательного космонавта, Н. С. Хрущев говорил: «Мы будем продолжать эту работу и впредь. Все новые и новые советские люди по неизведанным маршрутам полетят в космос, будут изучать его, раскрывать и дальше тайны природы и ставить их на службу человеку, его благосостоянию, на службу миру».

И вот мир снова потрясен. Шаг за шагом реализуя далеко рассчитанный план вторжения во Вселенную, Советский Союз 6 августа осуществил новый запуск космического корабля «Восток-2» с летчиком-космонавтом Германом Степановичем Титовым.

Повторение подвига — это всегда подвиг. Но второй космический рейс — не просто повторение полета Юрия Гагарина. Космонавту предстояло пролететь почти три

четверти миллиона километров по космической трассе, пробыв в состоянии невесомости почти сутки и, совершив 17 оборотов вокруг земного шара, приземлиться в заданном районе Советского Союза.

Усложнение программы нового полета вызвано вовсе не погоней за рекордами, не стремлением к эффектам, как это иногда пытаются изобразить обозреватели западной прессы. Новая программа — крупный шаг вперед по дороге к путешествию на Луну и ближайшие планеты Солнечной системы. Существенной особенностью таких дальних межпланетных рейсов является длительное состояние невесомости космонавтов. И, чтобы уверенно прокладывать трассы за пределы околоземного пространства, надо точно знать, как человек переносит это «неземное» состояние, если оно продолжается сутки, неделю, месяц. Надо установить, как организм, успевший в известной мере привыкнуть к отсутствию силы тяжести, будет переносить быстрое возрастание нагрузки при входе в плотные слои атмосферы на пути к поверхности планеты. В земных условиях ответа на эти вопросы получить нельзя. Поэтому-то экспериментальные длительные полеты по околоземной трассе имеют исключительно большое значение для подготовки к решающим прорывам человека в космическое пространство. В этом глубокий смысл и огромная значимость полета космического корабля.

Я не буду говорить об исключительных требованиях, которые предъявляет подобный беспримерный полет к моральным и физическим качествам человека. Нужна беспредельная преданность делу коммунизма, негнбаемая воля и выдержка, великолепная физическая подготовка, чтобы справиться с физическим напряжением длительного полета.

Но космический полет — это подвиг не одного человека. В нем — творческий поиск, напряженный труд де-

сятков тысяч людей, в нем воплощен высокий уровень многих отраслей советской науки и техники. В нем торжество дальновидной советской научно-технической стратегии, с самого начала штурма Вселенной поставившей главную задачу — подготовку человека к полету в космос. На достижение этой великой цели был направлен каждый шаг нашей программы исследования космического пространства.

Космические корабли и ракеты-носители — это по существу сгусток достижений современной науки и техники, яркий символ могущества индустрии страны, строящей коммунизм. В них сплавлены воедино раздумья математиков и стремительность электронно-вычислительных машин, высокий творческий накал мысли физиков и химиков, вдохновенный труд радиотехников и специалистов в области автоматического управления, годы работы конструкторов и технологов. В них вложены душа и золотые руки рабочих.

Во всем мире известно бесспорное превосходство нашей ракетной техники. Именно это обстоятельство позволяет нам сейчас выводить на околоземные трассы многотонные космические корабли. Мощность наших двигателей поистине фантастична. Если в поршневых авиационных моторах заключены тысячи, а в современных реактивных двигателях десятки тысяч лошадиных сил, то в двигательную установку, которая вывела на орбиту космический корабль «Восток», была впрессована мощь, какой не знала техника. 20 миллионов лошадиных сил — вот мощь, которая вынесла на орбиту многотонную громаду.

Безусловно, создание таких двигателей — это крупнейшая победа наших конструкторов, технологов, металлургов, химиков.

Красной нитью через всю работу по созданию ракет-носителей и космических кораблей проходило стремле-

ние обеспечить высочайшую степень надежности сотен агрегатов и механизмов, обеспечить безопасность полета для космонавта. Чрезвычайно трудная проблема приземления космического корабля, врывающегося в плотные слои атмосферы со скоростью, превышающей 20 тысяч километров в час (раз в три-четыре быстрее артиллерийского снаряда) была успешно решена нашими учеными и инженерами. Как показала практика, советские космические корабли приземляются с достаточно малой скоростью, без каких-либо мало-мальски существенных повреждений.

Следует сказать, что требование обеспечения наибольшей безопасности полета заставляет идти на целый ряд осложнений в конструкции космических кораблей. Нужно гарантировать высокую надежность работы автоматов, управляющих полетом, устройств, предназначенных для точной ориентации космического корабля в пространстве, что особенно важно во время подготовки к спуску с орбиты на землю, систем, обеспечивающих безопасное приземление. Я уже не говорю о том, что требование абсолютной надежности было непреложным законом для создателей систем, которые обеспечивают нормальные условия жизнедеятельности космонавта в полете — регулирование температуры в кабине, содержания кислорода, подачу пищи и так далее.

И здесь была предусмотрена дополнительная мера предосторожности. На почти невероятный случай выхода из строя систем обеспечения жизнедеятельности или разгерметизации кабины в результате, скажем, столкновения со сравнительно крупным метеором ученые и инженеры снабдили космонавта скафандром с дополнительной системой снабжения кислородом. Этот «космический костюм» при необходимости защитил бы человека от резкого перепада давлений, в случае «приводнения» он удержал бы его на поверхности, предохранил от пе-

реохлаждения в арктических или антарктических условиях.

По уровню оснащения различной научно-исследовательской аппаратурой космический корабль вполне можно сопоставить с крупной и притом многоотраслевой современной лабораторией. Одной из главных задач создателей космического корабля было обеспечение надежности и полноты передачи самой разнообразной медико-биологической информации с борта космического корабля. Для этой цели были созданы легкие, компактные, устойчивые к действию вибрации и перегрузок радиотелеметрические системы. Благодаря такой аппаратуре, многократно испытанной в предыдущих полетах космических кораблей, на протяжении всего рейса Земля слышала дыхание и биение сердца отважного космонавта.

Крайне важно было обеспечить и радиосвязь космонавта с Землей. Дело в том, что для морального состояния человека, летящего с громадной скоростью в космическом пространстве, очень существенным является ощущение непрерывной связи с Родиной, сознание того, что Земля следит за его полетом.

Новый длительный полет в космос был серьезным экзаменом для многочисленных систем космического корабля. Творение советской науки и техники выдержало его на «отлично». Совершенство конструкции, высокое качество исполнения, безупречная надежность действия — эти особенности присущи передовой советской технике вообще и ракетной технике в особенности. И полет Германа Степановича Титова — новое, яркое тому подтверждение.

Блестящая победа в штурме космоса принадлежит всему нашему народу, всей планете. Эта победа — символ творческих сил побеждающего коммунизма, гордость всего человечества.

Академик А. БЛАГОНРАВОВ.

Ради жизни

Не прошло и четырех лет с того дня, когда в мировое пространство ушел первый советский искусственный спутник Земли, а достижения нашей страны в области исследования и освоения космического пространства уже столь велики и многочисленны, что им должны быть посвящены большие исторические обзоры.

Путешествия Колумба и Магеллана когда-то положили начало связи между континентами, развитие мореплавания объединило страны и материки, а современные воздушные лайнеры до предела сократили расстояния на земле. Теперь народы воочию убедились в старой истине, которую давно проповедовали астрономы: Земля наша — лишь малое по размерам небесное тело в огромных просторах Вселенной.

И вот советские космонавты, сначала Ю. Гагарин, а затем Г. Титов, облетели Землю и посмотрели на это малое небесное тело из мирового пространства. Огромный труд ученых предшествовал полетам, и успех свидетельствует, что околоземное космическое пространство уже освоено и в значительной степени изучено.

Значение овладения глубинами Вселенной не только в том, что человек вышел из земных рамок, что он получил возможность в недалеком будущем посетить другие небесные тела. И, конечно, не только в создании новых искусственных небесных тел — спутников, планетоидов, газовых облаков. Дело еще в том, что нам необходимо изучить физические процессы, которые в мировом пространстве на других небесных телах протекают сложнее и многообразнее, чем процессы, воспроизведенные в наших земных лабораториях.

Вот почему так настойчиво астрофизики изучают процессы в космосе. Во многих случаях это может при-

вести нас более коротким путем к познанию сокровенных свойств веществ.

Достаточно вспомнить, что благородный газ гелий и его свечение были впервые обнаружены на Солнце. А газ этот, найденный в дальнейшем и на Земле, сыграл огромную роль не только в развитии экспериментальной физики, но и в развитии техники.

Когда рождалась современная теория строения атома, то обнаружение предсказанной ею небольшой разности длин волн, излучаемых атомами водорода и ионизированного гелия, было в числе наиболее блестящих подтверждений принципов этой теории. Линии ионизированного гелия впервые были обнаружены и измерены в звездных спектрах.

Для энергетики будущего очень важно решить вопросы физики плазмы, осуществить управление термоядерными реакциями. Здесь нам тоже может прийти на помощь изучение процессов в космосе.

Одним из наиболее интересных объектов Вселенной — знаменитая Крабовидная туманность, образовавшаяся в результате грандиозного космического взрыва, наблюдавшегося китайскими астрономами около девяти столетий назад. Советским астрофизикам удалось установить, что вещество в центральной части этой туманности состоит из частиц, имеющих энергию порядка сотен миллиардов электроновольт. Это во много раз превосходит все достигнутое на современных ускорителях. Естественно, что исследования процессов, которые происходят в веществе, находящемся в таком состоянии, оказываются крайне полезными для установления свойств элементарных частиц.

Удаляясь дальше и переносясь с помощью современных оптических и радиотелескопов не только за пределы Солнечной системы, но и за пределы нашей Галактики

(звездной системы), мы встречаемся с еще более необычными условиями. Наблюдения показывают, что явления, происходящие в этих условиях, еще удивительнее и таят в себе еще больше возможностей для вскрытия неизвестных нам глубочайших свойств материи. В качестве примера можно привести радиогалактики, которые представляют собой формирования огромных облаков плазмы. Ее-то свойства мы и исследуем в наших лабораториях для того, чтобы добиться контролируемых термоядерных реакций.

И хотя астрофизик, находящийся на Земле, использует для своих исследований все достижения и современной оптики (мощные телескопы, совершенные спектрографы) и радиотехники (гигантские радиотелескопы и необычайно чувствительные приемные устройства), все же возможности наблюдений всех этих, как и многих других важных процессов, с поверхности Земли во многих отношениях ограничены. Нам, астрофизикам, сильно мешает земная атмосфера. Она поглощает коротковолновые излучения Солнца, звезд и туманностей. Она отражает, отбрасывает наружу длинноволновые радиоизлучения. Она размывает изображение звезд, ограничивая силу наших телескопов. Поэтому для современной науки совершенно необходимо посылать корабли в космическое пространство, чтобы производить более разносторонние наблюдения отдаленных объектов.

Очень скоро придет время, когда специальные геофизические и астрофизические спутники дадут возможность получить огромную научную информацию, крайне важную для решения всех проблем, о которых шла речь, а тем самым помогут разрешить многие вопросы нашей повседневной жизни, ибо познание космоса не самоцель — оно необходимо для работы на Земле.

Весьма существенно, что астрофизические наблюдения, выполняемые с Земли, и данные, полученные с по-

мощью ракет и спутников, иногда удачно дополняют друг друга.

Так, с помощью наблюдений с Земли удалось изучить характер движения метеорных потоков в Солнечной системе, исследовать явления, происходящие при проникновении метеора из космического пространства в земную атмосферу. Однако данные об абсолютном количестве метеоров в околоземном пространстве — об их пространственной плотности, полученные из земных наблюдений, носили неопределенный характер. Эксперименты, поставленные с помощью ракет и спутников, решают как раз этот вопрос и поэтому имеют особо ценное значение для метеорной астрономии.

Совершенно очевидно, что изучение и освоение космоса будет не только расширяться с каждым годом, но и составит одну из широких отраслей деятельности человека. Когда мы думаем о будущей жизни человечества, мы представляем ее в космическом плане. И это совершенно неизбежно, это произойдет так же закономерно, как наступление коммунизма на земле. Естественно, что такая закономерность была понята прежде всего в нашей стране, где весь общественный строй и вся государственная деятельность основаны на научном предвидении.

Именно потому, что Коммунистическая партия предвидела значение космических исследований для будущего всего человечества, она всемерно способствовала работе Циолковского, руководила работами по созданию ракетной техники и первая направила усилия нашего народа на штурм космоса. Беспрецедентные темпы экономического развития страны создали прочную техническую базу для советского ракетостроения и оснащения ракет всей необходимой аппаратурой и автоматикой.

Если говорить об отставании Соединенных Штатов Америки в освоении космоса, то надо отметить: тут дело не в том, что США не имеют надлежащего количества

ученых высокой квалификации. Знакомство с американской наукой убедило меня, что среди ее деятелей есть немало первоклассных ученых. Первенство нам обеспечил наш советский социальный строй с присущей ему плановостью экономики и устремленностью в будущее. Космические завоевания — это победа народа, ясно осознавшего основное направление, по которому пойдет развитие человеческого общества.

Иностранные обозреватели часто пишут, что соревнование в космосе, свидетелями которого мы являемся, вызывается главным образом соображениями государственного престижа. Однако если говорить о Советском Союзе, не может быть ничего ошибочней этой точки зрения. Познание Вселенной и овладение космическим пространством вызваны закономерностями развития науки и ясным пониманием задач будущего человеческого общества.

Конечно, то, что СССР первым запустил искусственный спутник, первым послал ракету на Луну и первым вывел на орбиту человека, первым осуществил длительный 25-часовой космический полет, необычайно подняло престиж нашей Родины. Можно представить изумление людей, которым в течение десятилетий внушали убеждение в отсталости советской науки и техники!

Но здравые люди, знакомые с состоянием науки в различных странах, могли понять уже давно, что Великая Октябрьская социалистическая революция привела в движение невиданные творческие силы народа и сделала для нас посильными самые сложные научно-технические задачи.

Академик **В. АМБАРЦУМЯН**,
Президент Академии наук
Армянской ССР.

Все вперед и выше...

Примечательной чертой нашей программы космических исследований является то, что каждый ее этап — это крупный шаг вперед в неведомое. Изумивший мир полет советского космонавта Г. Титова — это крупнейшее наше достижение на пути реализации дальних межпланетных путешествий. Ведь его продолжительность и дальность уже сопоставлены, скажем, с рейсом на Луну.

Логика человеческого познания природы такова, что каждый новый шаг вперед ставит перед исследователями новые вопросы, побуждает искать пути решения новых, еще более сложных проблем. Вот почему уместно задуматься над задачами, возникающими перед физиологией на путях дальнейшего освоения космического пространства.

Эти задачи можно разделить на две основные группы. Во-первых, следует иметь в виду, что по мере удаления от Земли, космический корабль встретится с действием факторов, неизвестных или слабо выраженных вблизи нашей планеты. К ним относятся, например, характер и интенсивность космической радиации. Во-вторых, в продолжительном полете даже известные нам факторы будут действовать иначе.

Что касается неблагоприятных воздействий первого типа, то решающая роль в их преодолении будет по-прежнему принадлежать техническим усовершенствованиям. В данном случае человеческая практика снова подтверждает справедливость известного положения марксизма о том, что человек приспосабливается к среде не только перестройкой своих физиологических функций, сколько искусственным созданием условий, оптимальных для своей жизнедеятельности. Повышение радиационной, термической, механической (антиметеоритной)

устойчивости корпуса корабля, дальнейшее совершенствование системы питания космонавта, регенерации воздуха и удаления отходов — вот главное, что решит судьбу будущих полетов. За физиологом и врачом здесь остается лишь важная роль контролера, призванного определить достаточность и эффективность технических усилий.

Несколько иначе обстоит дело с фактором времени, который пока что не подвластен даже великой и всемогущей науке XX столетия — физике. Вот здесь-то и вступает в свои права космическая физиология. Причем вступает она уже не в качестве контролирующей инстанции, но как дисциплина, вооруженная знаниями о роли фактора времени в разнообразных функциях живых организмов.

Следует сказать, что эта область физиологии имеет и свою историю, и свои завоевания. Выдающиеся русские физиологи Н. Е. Введенский и его ученик А. А. Ухтомский создали оригинальную и стройную теорию о временных, пространственных соотношениях в деятельности нервной системы. Большое значение фактору времени придавал И. П. Павлов. В частности, в его лабораториях было показано, что длительное применение относительно слабых раздражителей способно привести к глубоким изменениям в деятельности центральной системы, к развитию общего ее торможения, а в определенных условиях даже к невротическому «срыву».

Для длительного полета прежде всего характерно уменьшение общей массы раздражений, падающих на нервную систему человека. Здесь и определенная изоляция от привычных земных впечатлений, и тишина, и ограниченность движений, и выключение невесомостью тех ощущений, которые мы обычно испытываем под действием сил тяжести. Вместе с тем, наукой установлено, что для сохранения нормальной работоспособности моз-

га совершенно необходим минимальный приток текущей информации. Английский физиолог и кибернетик, автор широко известных «механических черепах» Г. Уолтер производил следующие опыты. Он помещал испытуемых добровольцев в камеру, где были максимально устранены все посторонние раздражения, звуковые, световые, колебания температуры и т. д. Даже руки испытуемых защищались специальными приспособлениями от обязательных раздражений. И оказалось, что такое отстранение от внешнего мира крайне тяжело переносится нервной системой, вплоть до возникновения невротических состояний.

Вот почему важно восполнить дефицит текущей информации при продолжительном космическом полете правильной организацией труда космонавта. Связь с Землей, использование иллюминаторов и телевизионных экранов, проведение научных наблюдений, уход за аппаратурой ликвидируют опасные «пустоты» в высшей нервной деятельности. Повторяем, мы имеем в виду длительный полет, ибо во время полетов 12 апреля или 6 августа впечатлений и у Ю. А. Гагарина и Г. С. Титова было более, чем достаточно.

Рациональная организация труда космонавта имеет важнейшее значение для смены сна и бодрствования. Известно, что сон не менее необходим человеку, чем воздух и пища. Физиологи и медики должны добиться, чтобы сама трудовая деятельность космонавта, ее режим, содержали в себе все предпосылки для сохранения и укрепления «биологических суток» в условиях несуществующей смены дня и ночи. Здесь мы снова сталкиваемся с захватывающе интересной и практически актуальной проблемой «биологического времени».

Вообще, после того, как конструкторская мысль создаст в кабинете космического корабля «микро-Землю» с питанием, воздухом и удалением отбросов, после

того, как корпус корабля надежно оградит человека от Космоса, к которому организм не может, не должен и никогда не будет приспособляться, на первый план выступит физиология космического труда. Труд — вот без чего немыслим человек в космосе, и что ему абсолютно необходимо наряду с пищей, воздухом и защитой от внеземных условий полета.

Физиология космического труда — краеугольный камень космической биологии применительно к человеку. Правда, это не значит, что мы не должны изучать влияние иных факторов. Знание механизмов их действия необходимы и для полноценного контроля и для ликвидации последствий аварийных случаев, угроза которых никогда не может быть полностью исключена. Вот почему космическая медицина должна иметь в своем арсенале методы экстренного и эффективного лечения случаев космического облучения, острых расстройств сердечно-сосудистой системы, обморочных и неврозоподобных состояний. Важно подчеркнуть, что эти аварийные методы должны быть основаны на принципах взаимопомощи членов экипажа, самопомощи, а желательно, и на автоматическом срабатывании некоторых устройств медицинского назначения.

Проблема самопомощи представляет собою и весьма важную отрасль космической медицины. Сравнительно легко сделать себе укол или проглотить лекарство. Но как человеку помочь самому себе при временном расстройстве психики, возникновении иллюзий — «обманов чувств» — при нарушении правильной оценки окружающей обстановки? В поисках методов усиления высшего «самоконтроля» коры больших полушарий головного мозга за деятельностью центральной нервной системы физиология обращается к другим, подчас весьма далеким областям знания. Так, в последние годы мы проявляем интерес к физиологическим механизмам метода

К. С. Станиславского, созданного великим режиссером в целях усиления произвольного влияния человека на свои непроизвольные эмоциональные реакции.

Говоря о космической медицине в собственном смысле этого слова, мы, конечно, надеемся, что она потребуется только в редких, исключительных случаях будущих полетов. Как и на Земле, ведущим направлением прикладной физиологии и медицины остается направление профилактическое, вооруженное методами всесторонней тренировки и физического закаливания. Тренировка космонавтов базируется на изумительном свойстве пластичности, присущем живым организмам, в том числе, организму человека. Изучая приспособительную перестройку функций, поистине не устаешь восхищаться колоссальными возможностями организма в этом направлении.

Таковы некоторые проблемы, которые встают перед физиологией в связи с перспективой нарастания продолжительности космических полетов. Мы не останавливались на многих других очень важных вопросах, как обеспечение пищевых и питьевых ресурсов, создание внутри корабля замкнутого микро-земного цикла обмена веществ, использования в этом цикле питательных водорослей и т. д. Но нам хотелось бы подчеркнуть органическую связь космической физиологии с общей физиологией животных и человека, ибо космическая физиология может развиваться только на базе всех наиболее значительных достижений «земной» науки.

Исключительное значение приобретает союз физиологии с кибернетикой. До сих пор автоматы преимущественно «страховали» управление кораблем. Физиологи использовали достижения электроники, главным образом для регистрации функций организма. Дальнейшее развитие космонавтики, несомненно, потребует создания сложных замкнутых систем «человек-автомат», где телемеха-

ника будет автоматически приходить на помощь человеку, если его состояние почему-либо ухудшится. Приходить на помощь не только в смысле «перехвата» управления кораблем, но и в смысле оказания экстренной медицинской помощи. В результате подобного взаимного страхования общая надежность системы «человек-автомат» будет несуклонно стремиться к практической неуязвимости.

Ясно, что как бы ни возрастала техническая оснащенность полета, решающая роль в его успехе всегда будет принадлежать человеку, его разуму, мужеству, неслышимой воле к победе. Вот почему в преддверии новых прорывов в околосолнечное пространство приходят на память слова замечательного горьковского гимна Человеку, который сквозь преграды и трудности идет своей нехоженой звездной дорогой «вперед и выше, Все вперед и выше».

Член-корреспондент АН СССР Э. А. АСРАТЯН,
Старший научный сотрудник П. В. СИМОНОВ.

Радость народа, гордость народа

Сейчас, когда исторический полет завершен, когда майор Герман Титов приземлился, сделав свыше 17 оборотов в космосе вокруг «шарика» — нашей Земли, хочется передать нашу большую рабочую благодарность создателям чудо-корабля «Восток-2», нашей партии, лично Н. С. Хрущеву, проявляющим повседневную заботу о развитии отечественной науки и техники. Успехи нашей страны на пути строительства коммунизма великолепны! Они вдохновляют нас на новые достижения в труде во имя Советской Родины, во имя мира на планете Земля.

М. ВАСИЛЬЕВ,
слесарь, руководитель бригады
коммунистического труда,

Москва.

Вслед за именем Юрия Гагарина в историю покорения космоса вошло имя Германа Титова. Его выдающийся полет с новой силой продемонстрировал преимущества нашего общественного строя. Это результат той огромной заботы, которой Коммунистическая партия и

Советское правительство окружили людей науки и техники.

В гидроэнергомашиностроении — той области, где я работаю, мы тоже идем впереди всех стран. Турбины, созданные нашим коллективом для величайших гидроэлектростанций Волги, не имеют равных в мире. Вдвое более мощные машины сконструированы и выпускаются сейчас нашим заводом для Братской ГЭС, а в ближайшие годы будет воплощен в металле и разработанный нами проект агрегата Красноярской ГЭС, который при почти таких же размерах даст могучий поток дешевой электроэнергии, развивая мощность в полмиллиона киловатт.

Замечательные успехи нашей Родины в освоении космоса и в других областях воодушевляют нас. Мы будем трудиться еще упорнее, создавать все более совершенные машины для полного претворения в жизнь ленинской идеи электрификации всей страны — основы построения коммунистического общества. Радостно сознавать, что ты участвуешь в борьбе за технический прогресс, направленный на благо человечества!

Я. С. ДЕГТЯРЕВ,

Лауреат Ленинской премии, конструктор.

Ленинград.

С огромным волнением включал я радиоприемник. Как проходит полет? Как самочувствие космонавта, нашего родного советского человека Германа Степановича Титова? Эти вопросы волновали умы и сердца миллионов. И вот мы услышали радостную весть — наша великая Родина приняла в материнские объятия своего героя. Мир потрясен волей и мужеством советского человека, великими достижениями наших ученых, конструкторов, рабочих, создавших замечательный косми-

ческий корабль, аппаратуру, позволившую осуществить сложные научные исследования, обеспечить непрерывную радио- и телевизионную связь Земли с космосом.

Сейчас у нас, киевских метростроевцев, горячая пора. Скоро наступит великий день открытия XXII съезда партии. А к этому дню мы обязались досрочно выполнить наше 10-месячное задание. Ваш замечательный подвиг, Герман Степанович, вдохновляет нас на еще большие трудовые успехи во имя великого дела строительства коммунизма.

Д. МАСЬКО,

Герой Социалистического Труда,
бригадир проходчиков «Киевметростроя».

Дорогой соотечественник Герман Титов! Мы горячо поздравляем вас с замечательным подвигом, который вы совершили во имя нашей Родины. Ваш полет — чудесный подарок XXII съезду КПСС. Мы хотим сообщить вам, что встретим предстоящий партийный съезд также своим трудовым рапортом: к открытию съезда дадим Родине 7 тысяч тонн хлопка.

Спасибо — рахмат тебе, дорогой соотечественник!

КЕНДЖА НАЗЫРОВ,

председатель колхоза имени Калинина.
Регар, Таджикская ССР.

Разве не о величии нашей любимой Родины свидетельствует радостная, взбудоражившая весь мир весть: советский космонавт Герман Титов, прочно освоив космическую трассу, совершает один за другим обороты вокруг Земли!

Я склоняю свою седую голову перед мужеством и патриотизмом славного космонавта, перед талантом и

трудолюбием наших ученых и рабочих. Чувство хорошей, доброй зависти вызывают у меня мысли о моих алтайских коллегах — учителях, давших Герману путевку в жизнь. Сердечные поздравления Степану Павловичу и Александре Михайловне Титовым. Замечательного сына воспитали они для Родины!

Хорошо, товарищи, когда советские люди становятся хозяевами космоса! Их полет — гарантия мира.

А. В. ЧЕРПАКОВА,

Заслуженная учительница школы РСФСР,

Чебоксары,

Новый полет советского летчика-космонавта Г. С. Титова я расцениваю как огромный шаг в целеустремленном развитии советской науки об освоении космоса. Этот эксперимент должен продолжить и расширить решение научно-технических проблем, уже затронутых при полете первого в мире космонавта.

Нынешний замечательный эксперимент — большая веха в покорении космоса. Он должен выявить, в какой мере человек сохраняет работоспособность при длительном пребывании в состоянии невесомости и как действуют на него после этого перегрузки при торможении корабля перед приземлением.

Новый космический полет советского человека войдет в летопись науки как великий вклад советских ученых, инженеров, рабочих в дело мира и прогресса. Он приближает решение многих научных проблем.

Г. И. ПОКРОВСКИЙ,

профессор, доктор технических наук,

Я пишу эти строки за несколько минут до очередного испытательного полета. Радио еще не сообщило о посад-

ке Германа Титова, но я не сомневаюсь, что она будет успешной. Ведь за плечами Космонавта-2 стоит лучшая в мире советская техника, стоит мощь самой передовой науки, творческий гений ее ученых, золотые руки наших рабочих.

Вслед за первым — второй. Когда думаешь об этом, на память приходит наша Волга, что с каждым шагом разливается все шире и шире. У истоков ее один ручеек, а в устье — целое море. Так и тут: сегодня мы славы второго, скоро их будут десятки, сотни, тысячи.

Конечно, мы не сомневались, что и вторым будет наш, советский, а звездная трасса, которую он прочертит в небе, не повторит уже пройденную Гагариным. Так и случилось.

Семьсот тысяч километров — путь до Луны и обратно, совершенный за сутки! Даже нас, летчиков-испытателей, привыкших к сверхзвуковым скоростям, восхищают и поражают цифры. Мне бы хотелось пожать твою мужественную руку, дорогой друг, там, где прокладываешь ты сейчас свой исторический курс. Но сегодня самолеты еще не летают на таких высотах. Правда, недавно удалось мне установить новый мировой рекорд высоты полета на серийном самолете и заглянуть в преддверье космоса. Пусть помнят на Западе, что советская авиация сильна на любых высотах. Уверен, пройдет не так уж много времени и в космические дали проложат курс корабли с пассажирами. И первыми будут — наши, краснорозовые, советские.

Итак, есть уже второй представитель славной профессии космонавтов, родившейся 12 апреля 1961 года. Говоря в шутку, самое время создавать новый профсоюз космонавтов. С радостью вступил бы в его члены.

Г. МОСОЛОВ,
летчик-испытатель,
Герой Советского Союза.

Прежде я знал тебя под именем Космонавт-2, знал еще, что ты молод, смел и Родина может доверить тебе любое задание. Об этом рассказал твой друг Юрий Гагарин. Сегодня мы познакомились ближе: ты взвился к Солнцу, мир узнал твое имя. Слава тебе, храбрец!

Я прожил долгую жизнь. Мне уже сто лет. Скажу прямо: в таком возрасте человека трудно чем-либо удивить. Много повидал он на своем веку. Но то, что свершается за последние годы, достойно искреннего восхищения.

Поздравляю тебя, сын мой, с великим подвигом во славу Родины!

Тбилиси.

В. КРУАШВИЛИ.

Человечество вновь является свидетелем величайшего гения советских ученых, блестящего мастерства инженеров и рабочих, создавших космический корабль «Восток-2». На этом корабле гражданин Советского Союза летчик-космонавт майор Г. С. Титов поднялся в космос, чтобы осуществить длительный полет вокруг земного шара, внести свой вклад в изучение космоса, сделать еще один важный шаг на пути изучения возможности межпланетных сообщений. Такой полет является демонстрацией огромных успехов нашей науки, экономики, могущества социалистической Родины.

От имени многотысячного коллектива автозаводцев я обращаюсь к создателям космического корабля «Восток-2», к Г. С. Титову со словами горячего приветия. Героический подвиг его так же, как и Юрия Гагарина, войдет в историю.

А. Г. КРЫЛОВ,
депутат Верховного Совета СССР,
директор автозавода имени И. А. Лихачева.

Мне кажется, что не было человека, сердце которого не забилося быстрее при вести о новом подвиге советских космонавтов.

Знаменательно, что в дни, когда обнародована грандиозная программа коммунистического строительства в СССР, в космос вновь полетел советский человек.

Мне думается, что задание, которое выполнил космонавт Герман Титов, еще сложнее того, которое осуществил майор Гагарин. Сейчас речь идет об исследовании работоспособности человека при длительном пребывании в условиях невесомости. Это задача большой важности, от решения которой во многом зависят дальнейшие перспективы освоения космоса.

Необыкновенные достижения советской науки и техники изумляют весь мир. Прокладывая пути к звездам, советские люди показывают всему человечеству, как велика жизненная сила нашего строя. В этом — залог всех наших побед. Народ, свершающий такие дела, способен выполнить замечательные предначертания великой программы строительства коммунизма.

Я. С. ГРОСУЛ,

президент Академии наук Молдавской ССР,

Кишинев.

В домике Гагариных все взволнованы, как и в памятный апрельский день, когда первый советский космонавт прокладывал дорогу в космос.

— Переживаем, как за родного сына, — говорит мать Юрия Гагарина Анна Тимофеевна. — Мы рады и восхищены подвигом Германа Титова.

Семья Гагариных шлет горячий привет и поздравления семье Титовых.

Гжатск.

Свершилось великое! «Восток-2» приземлился в заданном районе Советского Союза! Это новое достижение нашей науки потрясает своей грандиозностью.

Счастливая вестъ застала меня за работой над созданием портрета председателя колхоза имени Ильича Калининского района Сталинградской области Николая Логвина. Каким одухотворенным и прекрасным было лицо этого человека, какая необыкновенная гордость за свой народ светилась в его глазах, когда он слушал сообщение ТАСС!

В эту минуту я особенно остро ощутил, что великий подвиг Германа Титова, совершенный во имя мира и науки,— это подвиг всех советских людей, достижение каждого человека Страны Советов, уверенно идущей к коммунизму.

Е. ВУЧЕТИЧ,

Народный художник СССР,

Сталинград.

Мир еще живет под впечатлением апрельского подвига советских людей, и народы разных стран восторженно встречают первого в мире космонавта — гражданина СССР Юрия Гагарина. А радио принесло новую радостную вестъ: могучая наша ракета подняла в космос корабль-спутник «Восток-2», и бесстрашный летчик Герман Титов совершил полет вокруг земного шара.

В такую минуту каждый из нас вновь и вновь испытывает волнующее чувство гордости за социалистическую отчизну. Какими гигантскими шагами идет она по пути прогресса! Каких замечательных ученых, инженеров, рабочих вырастили Советская власть, Коммунистическая партия! Хотелось бы обнять и крепко пожать руку мужественному Космонавту-2 Герману Титову и сказать

ему: ты достойный сын своей великой социалистической Родины. Честь и слава тебе, мой дорогой соотечественник!

А. Н. ТУПОЛЕВ,
Генеральный конструктор по авиационной технике,
академик, Лауреат Ленинской премии.

Мы присутствуем при новом триумфе человеческого разума: успешно завершен беспрецедентный длительный космический полет советского космонавта.

Более семнадцати оборотов вокруг Земли совершил Герман Титов, а у меня кружится голова. В звездную высь устремился отважный пилот-космонавт, а дух захватывает у всех нас. Дух захватывает от сознания фантастичности содеянного, от радости, от гордости за советскую Отчизну. Никогда еще я не чувствовал себя таким молодым, таким бодрым. Прибавилось энергии, желания трудиться, творить.

Хвала тебе, Родина! Хвала тебе, Герман Титов. Твой подвиг потряс мир, приумножил славу нашей великой советской страны.

МАРТИРОС САРЬЯН,
Народный художник СССР,
Лауреат Ленинской премии.

Ереван.

Покорители нефтяной целины, скрытой под дном бурного Каспия, от всей души восхищаются блистательной победой покорителей космоса.

Вслед за «Востоком-1» — «Восток-2». Уверен, что и «Востока-3» тоже не придется долго ждать. Вот это по-нашему, по-советски! Новый полет космического корабля в просторы Вселенной еще раз доказал, что СССР намного опередил все остальные страны земного шара в освоении космоса.

Герман Степанович Титов, второй советский летчик-космонавт, посвятил свой полет XXII съезду КПСС. В эти дни, когда весь советский народ обсуждает проекты Программы и Устава КПСС, нефтяники Каспия также посвящают свои дела, свой труд историческому съезду родной партии. Моя бригада закончила освоение новой морской скважины. Она дает в сутки 35 тонн нефти.

ЭНВЕР ИСМАИЛОВ,
мастер по добыче нефти второго промысла,

Нефтяные Камни,

Когда я пишу эти строки, корабль «Восток-2» уже возвратился на Землю, совершив более 17 оборотов вокруг нашей планеты. Миллионы сердец на разных континентах бьются чаще обычного. Люди с гордостью и волнением следили за беспрецедентным полетом советского космонавта. Только что окончилось заседание президиума нашей Академии наук, на котором принято не предусмотренное повесткой дня решение: ученые Латвии обращаются с просьбой передать от них пламенный, сердечный привет Герману Степановичу Титову, герою, чей подвиг навеки станет достоянием истории.

Полет Г. С. Титова имеет первостепенное научное значение. Пока даже трудно предвидеть все его возможные результаты. Они определяют решение большого комплекса биологических и технических проблем, которые откроют людям «зеленую улицу» в мироздание.

К. ПЛАУДЕ,
президент Академии наук
Латвийской ССР.

СУТКИ, ВОСХИТИВШИЕ МИР

Эти двадцать пять часов беспрецедентного космического полета майора Титова потрясли мир.

Ритм воскресного дня, когда был дан старт великому звездному пути корабля «Восток-2», оказался нарушенным. Весь мир заговорил о новой блестящей победе советской науки и техники, весь мир повторял имя нового космонавта Германа Степановича Титова, весь мир обращал восхищенные взоры к Советскому Союзу — стране, где мечты человечества волею народа, гением партии становятся явью.

Стучали телетайпы и телеграфные аппараты крупнейших информационных агентств, срочно верстались экстренные выпуски газет, радио то и дело прерывало свои передачи, чтобы сообщить о том, как проходит этот изумительный полет. И навстречу этому потоку сообщений двигалась лавина откликов. И так во всех странах, на всех континентах.

Поток телеграмм, откликов, заявлений... Его не уместить и в тысячах томов. Мы взяли только малую часть из этого потока, ту, что принесли радио и телеграф по горячим следам всемирно-исторического события.

— Эти дни отмечены многими большими и волнующими событиями,— сказал первый секретарь Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии товарищ Янош Кадар.— Совсем недавно был опубликован проект Программы Коммунистической партии Советского Союза, указывающий народам светлый путь к коммунизму. 5 августа в Москве закончилось совещание представителей стран участниц Варшавского договора, которое выразило непреклонную решимость добиться осуществления мирного урегулирования с Германией, обеспечить народам мир...

И вот пришла замечательная весть о полете в космос второго советского пилота-космонавта Германа Титова!..

— Накануне Никита Сергеевич Хрущев говорил мне о том, что ключ от космоса находится в кармане у советских ученых... И вот люди советской науки вновь открыли перед человечеством дверь в космические дали. Это замечательно, и для характеристики этого события нелегко подобрать нужные слова! Сердцем мы сейчас там, в просторах космоса, вместе с отважным советским космонавтом, совершающим свой беспримерный путь вокруг земного шара.

Янош Кадар возвращается к закончившемуся Совещанию первых секретарей Центральные Комитетов коммунистических и рабочих партий стран участниц Варшавского договора. Он говорит о том, что участники совещания, проникнутые горячей заботой об установлении прочного мира в Европе, выразили единодушную готовность всеми мерами содействовать достижению согласованного с западными державами мирного урегулирования германского вопроса, заключению мирного договора с Германией. Народы Советского Союза и Венгрии, народы других социалистических стран страстно хотят, чтобы на земле был мир. И это не потому, что они слабы. Нет, они сильны, как никогда. И подвиг космонавта Германа Титова, который вызывает сейчас всеобщее восхищение,— убедительное подтверждение нашей силы. Мощь Советского Союза в области науки и техники — это мощь и сила всего социалистического лагеря.

— Победы советской науки открывают перед нами,— продолжает тов. Янош Кадар,— новые прекрасные горизонты. И мы верим, что человечество достигнет новых успехов в своем стремлении овладеть силами природы. Советский народ уверенно ставит эти силы на службу человеку.

Янош Кадар говорит о том, что сейчас в Венгрии все трудящиеся с огромным вниманием и волнением следят за полетом второго советского космонавта, желают ему

успеха, от души поздравляют советский народ с блестящей победой.

— Я восхищен подвигом майора Германа Титова, — говорит Янош Кадар. — Я желаю ему успехов в его благородном деле, желаю личного счастья. Передайте мой сердечный привет его семье. Она с полным правом может и должна гордиться, что вырастила и воспитала такого человека для Советской Родины, для всего человечества. От всего сердца поздравляю Коммунистическую партию Советского Союза с подвигом ее верного сына Германа Титова.

Янош Кадар говорит о том, что Венгрия послала приглашение первому космонавту Юрию Гагарину посетить страну, но трудящиеся республики понимают, что из-за большой занятости он пока еще не смог побывать у них в гостях.

— Сейчас мы будем ждать к себе в гости двух космонавтов — Юрия Гагарина и Германа Титова. Каждый из нас будет рад крепко пожать руку героям, обнять их. Пусть эти мои слова будут приняты как самое дружеское приглашение Герману Титову посетить нашу страну.

— Еще раз от всего сердца, — говорит в заключение Янош Кадар, — поздравляю советский народ с беспримерным подвигом его верного сына, Его подвиг — это подвиг во имя счастья человечества!

Залук в Советском Союзе еще одного космического корабля с человеком на борту — волнующая и радостная весть. Этот быстрый прогресс в области космических путешествий открывает перед нами новые перспективы и учит нас, что война на нашей маленькой планете — это безумие.

Я шлю мои поздравления замечательным ученым, благодаря которым достигнуты эти успехи, и доблестному космонавту майору Титову, пилотирующему космический корабль вокруг Земли.

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ,
Премьер министр Индии.

Дели.

От имени всех корейских ученых сердечно поздравляю советских ученых, специалистов и рабочих, которые добиваются огромных успехов в честь исторического XXII съезда КПСС.

Длительный космический полет «Востока-2» приблизил день свободного космического полета человека, вновь продемонстрировал перед всем миром неиссякаемую силу самой передовой в мире советской науки, продемонстрировал преимущества социалистической системы над системой капитализма.

Этот огромный триумфальный успех — не только победа советского народа. Это — и достижения всего социалистического лагеря, всего прогрессивного человечества. Он еще больше вдохновляет народы в их борьбе за мир и социализм, является большим ударом по империализму, который идет к неотвратимой гибели.

ХАК ЕН ЧАН,
Президент Академии наук Корейской
Народно-Демократической Республики.

Пхеньян.

Трудно, очень трудно найти сразу подходящие слова для оценки этого выдающегося достижения. Я чувствовал и раньше, что вслед за полетом Юрия Гагарина советские люди вскоре предпримут другой полет, но не ожидал, что это наступит так быстро. И, конечно, не предполагал, что этот полет будет столь продолжительным.

Запуск корабля «Восток-2» является еще одной яркой демонстрацией огромной мощи советской науки и мужества советского человека.

Д. ПРИТТ,
английский юрист и общественный деятель.

«Мы с огромной радостью узнали весть о запуске в космос второго космического корабля, управляемого советским космонавтом Титовым Германом Степановичем,— заявил советским корреспондентам находящийся в Ленинграде глава партийно-правительственной делегации Румынской Народной Республики, первый секретарь ЦК Румынской рабочей партии, председатель Государственного совета РНР Георге Георгиу-Деж.

Это — колоссальная победа советской науки и техники, советских людей, Советского государства, вдохновителя всех славных побед советского народа — партии Ленина.

От всего сердца поздравляем с этим новым шагом в завоевании космоса советский народ, Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Советское правительство и лично Н. С. Хрущева, поздравляем всех деятелей науки, содействовавших осуществлению этого полета, и отважного космонавта Титова.

Румынский народ полностью разделяет радость советского народа, которому мы от всей души желаем новых великих свершений!»

Ленинград, 6 августа.

Кубинцы вместе с советскими людьми восхищаются вторым полетом советского человека в космос. Мы восторгаемся великим прогрессом СССР и знаем, что это достижение служит делу мира.

Гавана.

БЕРТА МАРТИНЕС,

●

Я рад, что в летопись покорения космоса ваш народ вписал еще одну золотую страницу. Уверен, что рабочие люди всей планеты, как и я, радуются новому вашему успеху, потому что это успех всего трудового человечества. Я желаю вам добиться еще большего и уверен, что вашей стране и вашей молодежи, с которой у нас было много интересных встреч и бесед, это по плечу. И еще мне хочется передать самый горячий привет космонавту Герману Титову, отважному человеку, чей подвиг никогда не забудут люди.

ИЕН ДЕЙКЕН,
представитель рабочей молодежи Австралии
на Всемирном форуме молодежи в Москве.

●

Я уверен, что, приветствуя советских ученых, инженеров, космонавта Титова и весь советский народ в связи с успешным полетом «Востока-2», я выражаю не только свое личное мнение, но также и мнение своих сограждан-американцев.

Это огромное достижение подчеркивает быстрое изменение характера всего мира, которое может иметь единственным логическим следствием уничтожение войны на земном шаре. Человечество сейчас обладает способностью либо уничтожить земной шар, либо ликвидировать войну и увеличить благосостояние и счастье мужчин, женщин и детей повсюду. Нужно, чтобы великие державы заключили международные соглашения, ведущие к разоружению и постоянному миру. Организация мирового сообщества на основе принципов свободы и справедливости, на основе права и взаимного доверия возможна. Полет «Востока-2» служит нам дополнительным напоминанием о том, что это необходимо для того, чтобы человечество уцелело.

ЛАЙНУС ПОЛИНГ,
американский ученый, лауреат Нобелевской премии.

●

Научный вклад России в завоевание космоса вызывает у нас восхищение. Полет советского космического корабля «Восток-2» — еще один шаг вперед.

Я уверен, что точно таких же взглядов придерживается президент Кеннеди, и уверен также и в том, что это событие еще больше усиливает необходимость определенных международных акций, имеющих целью договориться об использовании космоса в мирных целях и не допустить распространения гонки вооружений на эту область.

ЭДЛАЙ СТИВЕНСОН,
постоянный представитель США в ООН.

●

Успех «Востока-2» является естественным продолжением полета Гагарина и новой яркой демонстрацией высокого уровня развития советской науки и техники.

Я не удивлен запуском в космос второго советского человека. Я думаю, что одна из величайших опасностей в мире сегодня — это появление сомнения в достижениях и силе русских в науке и технике.

Профессор БЕРНАРД ЛОВЕЛЛ,
директор обсерватории «Джодрелл бэнк»,
Лондон.

●

Президент Академии наук Китая Го Мо-жо направил президенту Академии наук СССР М. В. Келдышу телеграмму, в которой горячо приветствует успешный запуск космического корабля «Восток-2».

В телеграмме говорится: «Я с большой радостью узнал, что 6 августа в Советском Союзе был успешно запущен космический корабль «Восток-2» с человеком на борту. Успешное выполнение задач полета корабля «Во-

сток-2» явится важным вкладом в дело космических полетов человека.

От имени китайских ученых шлю вам, советским ученым, инженерам и рабочим, а также летчику-космонавту, пилотирующему корабль «Восток-2», майору Г. С. Титову самые горячие поздравления.

Желаю советским ученым непрерывных, еще более блестящих успехов в великом деле покорения космического пространства».

ГО МО-ЖО,
президент Академии наук КНР.

Мы очень взволнованы новым прекрасным достижением советской науки и рады, что полет Титова совпал с приходом нашей делегации в Москву на предстоящий Международный биохимический конгресс. Французские ученые поздравляют советских коллег с успехом, который будет иметь большое значение для прогресса науки.

ЖАН ЭМИЛЬ КУРТУА,
профессор биохимии Парижского университета.

От имени ученых ОАР я горячо поздравляю своих советских коллег и майора Титова с этим новым выдающимся успехом в покорении космоса. Тот небольшой разрыв, с которым советским ученым удалось запустить в космос второй космический корабль с человеком на борту после триумфального запуска 12 апреля, является неоспоримым доказательством высокого уровня и превосходства советской науки и техники в области космонавтики. Новое качественное достижение советской науки в покорении космоса очевидно.

Нет никакого сомнения, что эти ценные эксперименты советских ученых явятся огромным вкладом в сокро-

вищницу мировой науки и принесут неоценимую пользу человечеству.

Мы уверены, что этот великий успех послужит прогрессу и миру.

АХМЕД РИАД,
директор Национального научно-исследовательского
центра ОАР.

Советский человек вновь в космосе! Еще одна грандиозная победа. Еще один подвиг страны, идущей к светлому будущему — коммунизму. Исторические документы: проект Программы КПСС, проект Устава КПСС, подвиг советского космонавта Титова — это звенья одной цепи, имя которой — социализм и коммунизм.

ЯН ПОНАРСКИЙ,
варшавский рабочий строитель.

Новый подвиг советской науки и техники вызывает восхищение всего мира, он наполняет радостью миллионы сердец простых людей, так как это подвиг во имя мира, подвиг, который наносит сокрушительный удар по планам поджигателей войны, инициаторов холодной войны. Этот подвиг укрепляет силы тех, кто борется за установление и упрочение всеобщего мира. Шлю самые теплые поздравления советскому народу, его руководителям и Герману Титову.

М. КИРКОС,
депутат парламента Греции.

Нет слов, чтобы выразить чувства гордости и восхищения советским Колумбом — майором Германом Титовым. Его подвиг — новый вклад в дело мира. Имя бесстрашного героя золотыми буквами будет вписано в историю человечества.

Тысячу раз обнимаю славного воспитанника великой партии Ленина.

Слава, слава нашему русскому брату Герману Титову, еще раз показавшему всему миру, на что способен советский человек!

ГЕОРГИ КАРАМАНЕВ,
секретарь ЦК Дмитровского
Коммунистического Союза Молодежи.

Премьер-министр Австралии Мензис тепло отозвался о запуске второго советского космонавта на орбиту вокруг Земли. Он заявил, что вывод на орбиту вокруг Земли нового советского космонавта является «блестящим достижением русского народа, с которым его следует поздравить».

Мензис сказал, что «отвага такого человека, как майор Титов, весьма велика».

Это бесподобное событие. Это в высшей степени интересно. В первую очередь поражает то, что полет в космос будет совершаться продолжительное время. Можно сказать, что это замечательный подвиг отваги и мужества советского человека — Германа Титова.

Я посылаю отважному космонавту самые горячие поздравления и пожелания счастливого возвращения на землю.

Большой сердечный привет тебе, советскому человеку Герману Титову, привет из Осло.

ЮХАН ФОГТ,
профессор университета в Осло.

С огромной радостью я узнал о новом замечательном эксперименте Советского Союза, запустившего в космос корабль «Восток-2» с майором Титовым на борту. Новый

полет советского человека в космос свидетельствует о блестящем достижении СССР на пути освоения космического пространства. Как это замечательно: от одного успеха к другому! Как представитель Польского астронавтического общества я от всей души поздравляю советский народ с новой победой и желаю новых больших успехов на пути, ведущем к звездам.

ОЛЬГЕРД ВОЛЬЧЕК,
секретарь Польского
астронавтического общества.

С восхищением и большим энтузиазмом узнал я о запуске космического корабля «Восток-2». Это событие меня несколько не удивило, так как я абсолютно убежден в неоспоримом превосходстве Советского Союза в области науки и покорения космического пространства. Я думаю, что этот второй опыт заставит еще больше задуматься сторонников «холодной войны» и империалистические круги, которые не перестают угрожать всему миру термоядерной войной. Я уверен, что все народы, стремящиеся к миру и свободе, воздадут должное Советскому Союзу и обратятся с призывом к великим державам навсегда освободить человечество от угрозы новой мировой войны. От имени моего правительства и всего народа Республики Гвинея я передаю горячие поздравления космонавту «Восток-2», всем инженерам и ученым Советского Союза, создавшим этот корабль-спутник. Шлю также самые теплые, сердечные поздравления Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза и его великому Первому секретарю Хрущеву, Верховному Совету СССР, правительству Советского Союза и всему великому советскому народу.

СОРИ КАБА,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Гвинеийской Республики в СССР,

●

Радость и гордость, которые переживают советские люди, столь же сильно испытываем и мы, граждане социалистической Чехословакии. Недавно Никита Сергеевич Хрущев сказал, что народы социалистических стран живут одним домом. Проект Программы КПСС, славные перспективы СССР — все это касается непосредственно и нас, нашей жизни, нашего будущего. А подвиг космонавта майора Г. С. Титова представляет собой новую эпохальную победу Советского Союза. Полет, совершенный на корабле «Восток-2» майором Титовым вокруг нашей планеты,— еще одно подтверждение реальности Программы КПСС, этот полет служит доказательством огромного морального перевеса СССР над силами старого мира.

Я смотрю в сияющие глаза своего сына, который вместе со мною слушает сообщения по радио, и чувствую, что героический полет майора Титова открывает и перед моим ребенком, как и перед детьми всего мира, перспективу счастливой жизни, без войн и катастроф. Я испытываю глубокую братскую благодарность к советскому народу, из энергии, разума и творческого энтузиазма которого рождается новый мир. Непреоборима славная звезда коммунизма! Она светит все ярче и ярче!

Да здравствует народ, дающий таких героев, как Гагарин и Титов! Да здравствует партия, которая их воспитывает и ведет по смелому пути на благо человечества! Я счастлив, что мы, граждане Чехословакии, можем называться вашими братьями, что наша судьба связана с вашей судьбой, что наша родина на вечные времена входит в лагерь социализма.

— Спасибо! Большое спасибо!

ЯН ДРДА,
чешский писатель.

Добржиш под Прагой.

●

Трудно представить сейчас то огромное влияние, которое окажет на судьбы мира нынешний успех Советского Союза. Несомненно, однако, что силы мира во всем мире обретут еще большую уверенность в своей борьбе. Уверенно пойдет вперед рабочее движение. Будет нанесен сильный удар по идеологии антикоммунизма. В последнее время Советский Союз добился небывалого развития своей науки. И хотя США твердят о своем прогрессе, их движение напоминает бег черепахи. Разрыв в развитии науки между СССР и США все более увеличивается. Недалеко то время, когда Советский Союз осуществит полет на Луну. Люди всего мира уверены в этом и ждут этого. Они уже не рассчитывают на Соединенные Штаты, а возлагают свои надежды на СССР.

КЕНДЗЮРО ЯНАГИДА,
японский ученый, философ
и общественный деятель.

ОТЧИЙ ДОМ

(документальная повесть)

С утра моросил мелкий ледяной дождь. Зябко нахохлились березовые колки, в падах змеились тяжелые космы тумана, далекие леса темнели на горизонте хмурые и по-осеннему угрюмые. Казалось, все напоминало: это — Сибирь. Край далекий, суровый.

Но вот потянул восточный ветерок, окреп, рванул серый полог, нависший над землей, разодрал его в клочья, разметал их по небу. И хлынуло на землю ослепительное великолепие. Красной медью засветились стволы сосен, веселый серебряный перезвон пошел по березовым рощицам, вспыхнули самоцветы росы на ярко-зеленом бархате полей.

И мы увидели русскую природу во всей ее трогательной, скромной и неповторимой красоте. Удивительные места здесь, на всхолмленных равнинах лесостепного Алтая. Перенеси сюда в летний день человека, дай оглядеться — и он сможет сказать только, что попал в очень характерный, можно сказать, классический уголок русской земли. А где этот уголок — ни за что сразу не скажет. Такие места есть и на Смоленщине, и в Подмосковье... Разве что выглянет из-под куста диковинная са-

ранка — огненно-красная сибирская лилия — и напомним, что мы далеко от центра России.

Да, это Сибирь. Но такая удивительно русская Сибирь — одинаково родная и сердцу волжанина, и сердцу сибиряка. Идешь по лесу и кажется — вот сейчас из-за этого куста выйдет Аленушка с братцем. А там вон, в таинственной глубине бора, промчится Иван-царевич на сером волке. Или выедет навстречу по узкой лесной тропинке Добрыня Никитич и станет поить своего доброго коня из тихой задумчивой речки Журавлихи.

Мы стоим на самом краю обширной зеленой чаши. На дно ее брошено голубое зеркальце колхозного пруда. Посмотреться в него сбегают по косоугору столетние плакучие березы и молодые черемушки. Амфитеатром раскинулись вокруг пруда сверкающие чисто вымытыми шиферными крышами домики небольшого села.

Адрес этого села: Алтайский край, Косихинский район — знает сегодня все человечество. Здесь родился второй советский космонавт Герман Степанович Титов. Здесь он сделал свои первые шаги по планете. Здесь он ходил в школу. Здесь, на таинственных тропинках соснового бора и березовых рощ, обступивших село, прошло солнечное утро его жизни.

Село это основали первые сибирские коммунары. Они ушли сюда из села Верхнее Жилино, чтобы на новом месте строить новую жизнь. Коммуне своей и новому поселению они дали изумительное, полное глубокого смысла название: «Майское утро». Говорят, что его придумала крестьянка Прасковья Ивановна Зайцева. Среди основателей коммуны были и оба деда Германа: Михаил Алексеевич Носов и Павел Иванович Титов.

Мы приехали в Майское Утро с родителями космонавта, Степаном Павловичем и Александрой Михайловной, и оказались у истоков замечательных человеческих судеб.

Коротка и небогата событиями биография майора Титова. Она уместилась на одной тетрадной страничке. Диктору хватило двух минут, чтобы прочесть ее миру. Но история становления Космонавта-2 уходит корнями в бурные годы рождения страны Советов. Это типичная история нашего современника, представителя молодого поколения строителей коммунизма, того поколения, которому предстоит претворить в жизнь Программу Коммунистической партии, завершить строительство светлого здания коммунизма и войти в него первым хозяином.

Высоко поднял над тайгой широкую, буйно разросшуюся крону древний сибирский кедр. Вскинул прямо в небо самый молодой свой побег — дерзкий, юный, ликующе зеленый. Для того чтобы понять, почему так смела и прекрасна эта юная ветвь, почему так высоко вознеслась она над вершинами других деревьев, надо увидеть могучий ствол кедрового дерева, его крепкие ветви, разглядеть его узловатые корни, питающие дерево соками родной земли...

ТРОПА КОММУНАРОВ

Крутым был спор о земле журавлихинских партизан с кулаками. Одни говорили:

— Не за то мы с Колчаком воевали, чтобы жить по-старому, в нищете да темноте. На обновленной советской земле мы создадим коммуну и заживем в ней по-новому.

— Не отдадим вам, голодранцам, землю,— говорили другие,— искони она наша.

— Да, вы ее давно заграбастали, но нашими руками земля обработана, нашим батрацким потом полита...

Извечный спор о земле между бедняком и богатым, между тружеником и мироедом. Но при Советской

власти он, конечно, разрешился в пользу трудовых крестьян.

И вот верстах в четырех от Журавлихи (ныне село Верхнее Жилино), в девственном лесу, на косогоре застучали топоры коммунаров. Чудесный уголок выбрали они для нового поселения.

Впрочем, об этом лучше, пожалуй, расскажет сын одного из первых коммунаров, отец Космонавта-2 Степан Павлович Титов. Редакция районной газеты поручила ему написать статью к сорокалетнему юбилею коммуны. Но воспоминания захлестнули Степана Павловича, сердце человека, тонко чувствующего слово, мыслящего образно, не позволило ему написать короткую сухую заметку о делах отцов. И вместо газетной статьи из-под пера родились первые строки литературных мемуаров... Приводим здесь полностью то, пока немного, что написал Степан Павлович.

«ПЕРВЫЕ ДНИ КОММУНЫ. Я не помню, кто дал коммуне такое поэтическое название — «Майское утро», но оно звучало в моем сознании, как что-то свежее, радостное и солнечное, как утро мая и как символ зарождения новой жизни, как новый весенний побег на старых полях единоличной Журавлихи.

Первое мое знакомство с той местностью, где основалась коммуна, произошло в один из июльских дней, когда я, вытребованный отцом своим, подошел к высокому мысу, на котором взметнулись вверх березовые роши и плотный сосновый борок. Место это только начинали обживать, и поэтому все кругом стояло нетропутое, свежее, сочное, благоухало ароматами смолы и цветущих трав.

Сюда уже привезли из Журавлихи несколько домов, но поставили только два; один из них был в два этажа. Ниже домов, по склону мыса, собрано было два амбара:

один служил складом продуктов, а второй — местом ночевки немногочисленных тогда коммунаров во время летних полевых работ.

Отец мой заведовал маленьким складом, выполняя обязанности первого кладовщика. Все лето он жил в амбаре, а меня потребовал в подпаски, в помощь пастуху овечьего стада. К тому времени мелкий скот уже был обобществлен, и летом 1920 года обязанности подпасков выполняли по понедельно все дети коммунаров в возрасте 10—11 лет. Пастухом был нанят дед, которого все звали не по имени-отчеству, а просто Паня Дубок. Вот к нему я и был определен на неделю в помощники.

В Журавлихе, откуда вышла первая горстка коммунаров, были противники и революции, и первых ростков коллективной жизни. Это местные кулаки и деревенский торговец Зыков. В памяти крестьян еще свежи были и годы революции, и, особенно, годы гражданской войны с колчаковщиной, рейды партизан Мамонтова и Рогова. Кое-где оставались группы людей, которые не принимали новых порядков жизни. Поэтому волнение еще не улеглось, недовольство богачей Советской властью порою выливалось в форму бандитских налетов. Острые оружия бандитов было направлено против того нового, светлого, что рождалось в жизни крестьян.

Первые коммунары как раз и были объектом вражеских выпадов, клеветы, запугивания. Поэтому после трудового дня коммунары обычно уезжали ночевать в село, а те, кто уже жил в первых домиках, уходили с детьми спать в амбары. Мужчины с охотничьим оружием ночевали в стороне от построек. В дни, когда по селу особенно много ходило слухов о злодейских намерениях Зыкова, главы местной бандитской шайки, по отношению к коммунарам, когда в окрестностях коммуны нет-нет да раздавались выстрелы, — мужчины проводили ночь на сторожевых точках.

Вот они комсомольцы-коммунары ячейки «Майского утра». Вторая справа в верхнем ряду — мать Германа Степановича Александра Михайловна.

Для тех, кто уже жил в маленьком поселке, кто оставался здесь для охраны или ради срочной работы, была организована столовая под открытым небом. Среди стройных стволов чудесной березовой рощи, на маленькой полянке, установлен был стол из двух плах, такие же, из плах, скамейки, а в стороне возвышался большой чугунный котел с широким черпаком на длинной ручке. На манер того, которым наливают из реки воду в бочки. Вот здесь и столовались коммунары, за этими шершавыми столами-стеллажами, среди деревьев, зеленых трав, под высоким небом.

Помню повара коммуны Ивана Захаровича Боча-

рова — крупный мужчина с басовитым, зычным голосом. Выйдет на высокое место, сложит ладони рупором да как рявкнет:

— Оббе-е-дать!

Всем на полях слышно. Позднее, когда Бочаров заболел, стали созывать коммунаров на обед ударами в кусок рельса.

Шумно и весело было здесь утром и днем, а вечером ужинали торопливо, разговаривали вполголоса, поглядывая в темноту; вваливающуюся на поляну из-за стволов деревьев, и сторожко слушая отдаленные лесные шорохи...

УЧИТЕЛЬ. Впервые я увидёл его на сельской улице. Это был человек среднего роста, с черными волосами, плотный и весьма живой в движениях. Он шел по заснеженной сельской улице впереди небольшой группы людей, рядом с развевающимся красным знаменем. Временами поворачивался к идущим за ним людям, высоко поднимал в руке длинную тынину, и по его взмаху взлетала песня: «Смело, товарищи, в ногу». По сторонам процессии гарцевали всадники в солдатских шинелях, с карабинами, и временами боевая песня сопровождалась гулками выстрелами. Все село было взбудоражено. Шествие постепенно обрастало людьми, преимущественно молодежью и детишками.

Такая праздничная демонстрация устраивалась в Журавлихе впервые, в ознаменование победы Октябрьской революции. Явление это было непривычное для села, поэтому многие стояли за оградами и у ворот, не решаясь примкнуть к шествию.

А маленькая демонстрация двигалась дальше вдоль села, то и дело под красным знаменем вспыхивала новая песня, все чаще гремели выстрелы конников, будя тишину и нерешительность Журавлихи.

Вот этот дирижер с тыниной, Адриан Митрофанович Топоров, и был первым учителем в коммуне «Майское утро».

В 1921 году в поселке коммуны была открыта школа, в приспособленном здании, на втором этаже. Школа состояла из двух классов и маленькой боковушки, в которой было нечто вроде учительской. Когда из нее выходил Адриан, так коммунарки звали учителя, то нашим любопытным взорам открывалась этажерка, полная книг, а на стенах — портреты Добролюбова, Пушкина, Белинского.

Квартиры учитель поначалу не имел, поэтому ночевать ездил в Журавлиху. Коммунарки выделили ему лошадь — самого смиренного мерина, и мы каждый раз после уроков ходили по строжайшей очереди за конем, седлали его и подводили к школе. Подводили впритирку к лестнице на второй этаж, и Адриан Митрофанович садился в седло, а мы вставляли его ноги в стремя, подавали повод и отходили в сторону. Пока учитель отъезжал от нас, мы стояли в полном молчании, потому что строго было заказано в это время шуметь, свистеть или следовать за конем.

На следующий день Топоров неторопливо въезжал в поселок, и сразу же раздавался звон шабалы. Это значило, что учитель приехал и надо собираться в школу.

В первое время в школе обучалось 10—15 детей, во втором и третьем классах. Нас учили не только грамоте, но и музыке, пению, рисованию, рукоделию, моделированию. Топоров стремился к всестороннему развитию дарований детей коммунаров. В одной комнате занимались два класса одновременно, мы получали самостоятельные задания и по очереди отвечали урок у доски. Звонка никто не подавал, учитель отпускал на перемену то оба класса вместе, то по очереди. Уборщиц в школе тоже не было, чистоту в классах и в «учительской» под-

держивали сами учащиеся. Сами топили печи, сами сторожили школу, ночуя на классной доске, положенной на парты.

Сколько было в этих ночевках заманчивого, романтического!

...Мы надеемся, что Степан Павлович завершит работу над своими воспоминаниями, а пока дополним его рассказ о коммуне тем, что удалось нам узнать от него самого, от старожилов «Майского утра», из книги и статьи в районной газете А. М. Топорова, первого учителя и просветителя коммунаров.

На поляне под березками, на густой траве, пахнущей ромашкой и мятой, расположилась небольшая группа организаторов коммуны. На виду у всех стоит молодой парень в новой рубашке, надетой по случаю важного события в жизни, серьезный и строгий. Председатель коммуны Василий Антонович Титов задает ставшие традиционными вопросы:

— Добровольно ли вступаешь в коммуну?

— Будешь ли работать добросовестно?

— Не будешь ли склочником и дезорганизатором?

— Согласен ли отказаться от старых привычек и участвовать в культурных начинаниях?

Ответы звучат, как клятва.

«...участвовать в культурных начинаниях». Да, коммунары создавали не только образцовое сельскохозяйственное производство. (Оно вскоре стало таким, сюда издали приезжали крестьяне, чтобы поучиться выращиванию высоких урожаев и ведению животноводства). Они, коммунары, закладывали основы нового быта, задались целью совершить культурную революцию в своем селе.

В коммуне не было заборов, не было замков, даже на складах. Вместе работали, вместе проводили досуг. Неграмотные бедняки, они жадно тянулись к сокровищам мировой культуры, доступ к которым открыла им социалистическая революция. Не случайно среди первых домов, построенных коммунарами, были школа и клуб.

Приглашая на работу учителя Адриана Митрофановича Топорова, которого уже в то время все в округе хорошо знали как горячего пропагандиста культуры и талантливую организатора народной самодеятельности, коммунары говорили:

— Идите к нам работать, будете учить наших ребят и нас. Мы начали строить новую жизнь, нам нужны хор, оркестр, театр... Нам необходимы культура и наука. Без этого мы жить не можем.

И они ничего не жалели, если шла речь о культурных начинаниях. Построили народный дом, купили в Барнауле музыкальные инструменты, театральные костюмы и парики... В голодном 1921 году за оформление зала в народном доме и изготовление декораций отдали малаховскому художнику-богомазу М. П. Дрожжину лошадей, воз муки, мяса, сала, пшена, овощей.

И вскоре в коммуне был свой театр, известный во всей округе хор, оркестр...

Оркестр! Легко сказать: создали оркестр. Это ведь не в нынешние времена, когда колхоз может купить любые музыкальные инструменты, когда государство на свои средства содержит столько сельских клубов... Топоров достал в Барнауле (командировала коммуна) скрипки, виолончель и еще кое-какие инструменты. Из села Лосихи привез фисгармонию, конфискованную в гражданскую войну у какого-то богача. Угольник сделал кузнец коммуны, пюпитры изготовил столяр. А вот с барабаном вышла загвоздка. Нигде не могли достать бара-

бан. Не было бы счастья, да несчастье помогло: пал на ферме теленок. Сделали из его кожи сыромятину, натянули на обод подсевального решета. И этот «телячий инструмент», как в шутку его называли, сослужил свою добрую службу коммуне. Забегая вперед, скажем: в тридцатые годы, уезжая в Полковниково, Степан Павлович увез с собой барабан коммунаров как память о коммуне и Топорове. Школьники оркестра, созданного Титовым в Полковниково, считали за честь играть на нем. С этого исторического инструмента начал практическое овладение музыкой и будущий космонавт Гёра Титов.

Так же непросто было в то время создать библиотеку, даже достать нужную книгу. А коммунары доставали. И не только читали:

«...Представьте поселок, в котором ежедневно, начиная с шести часов вечера и кончая одиннадцатью часами, нельзя застать дома ни одной живой души, даже грудных детей.

Представьте, далее, клуб, в котором на составленных столах, высланных мохнатыми сибирскими шубами, спят рядышком десять-двенадцать детишек...

Тишина. Мерно тикают часы. На сцене при свете лампочки читают...

Но вот зачитана последняя страница, и книга тихо закрывается. В полутемном клубе шевелятся седые бороды, мохнатые шапки, платки...

— Та-а-ак.. — вздыхает ситцевый платок.— Ничего она не стремилась для общего дела. Ломалась, ковылялась, а все для своего положения...

Невероятно, но факт. В сибирской глуши есть хуторок, жители которого прочли огромную часть иностранной и русской классической и новейшей литературы. Не только прочли, а имеют о каждой книге суждение, разбираются в литературных направлениях... являются не

только активными читателями, но строгими критиками и ценителями.

...В пяти тысячах километров от Москвы, в Сибири, в небольшом хуторке расцветает подлинная культурная революция! И творится она — волей нашей партии — руками скромного, незаметного, никому не известного беспартийного сельского учителя...

Давайте же вспомним имя учителя!
Адриан Митрофанович Топоров».

Так заканчивался очерк А. Аграновского «Генрих Гейне и Глафира», опубликованный в газете «Известия» 7 ноября 1928 года. Газета выступила тогда в поддержку учителя и народного просветителя А. М. Топорова, которого пытались травить невежды и бюрократы. Коммунары прочли к тому времени произведения десятков писателей от корки до корки и каждое — обсудили. И не случайно герон очерка — четырнадцатилетняя внучка сторожа Глафира и сам сторож, семидесятилетний старик, отлично знали «обоих Генрихов» — Генриха Гейне и Генриха Ибсена.

Адриан Митрофанович Топоров предстает перед нами в рассказах бывших коммунаров человеком богатой эрудиции, доброго и горячего сердца, талантливым, страстным народным просветителем, борцом за культурную революцию в селе. Обо всех его культурных начинаниях рассказать невозможно. Назовем главное. Одна из целей, которые ставил перед собой учитель, — «создать кадры массовых ценителей художественной литературы».

Он начал с публичного чтения газет и небольших, легко доступных по форме и содержанию литературных произведений. Читал он, как рассказывают, артистически. Потом стал вызывать крестьян на беседу:

— Вот прочли мы рассказ Чехова. А для чего он написан, только зубы поскалить?

Позднее учитель разработал методику обсуждения с крестьянами литературных произведений: При чем он просил крестьян, чтобы они не смущались своим неуклюжим языком в изложении оценок произведений, говорил им:

— Лупи, как придумалось, только чтобы по совести! Высказывания крестьян Топоров тщательно записывал.

В 1930 году была издана книга А. М. Топорова «Крестьяне о писателях», в которой обобщена, правда, очень небольшая часть высказываний коммунаров о современной литературе. Об этих записях Топорова Горький говорил: «Это весьма ценные суждения, это подлинный «глас народа». О книге тепло отзывались Вересаев, Подъячев, известный сибирский писатель Зазубрин, знаменитый библиограф Рубакин, литературоведы многих зарубежных стран.

Вот она перед нами, эта уникальная книга. Вместо предисловия к тексту предпосланы лаконичные, меткие характеристики многих, наиболее активных «критиков»-коммунаров.

Интересная находка — характеристика деда космонавта Германа Титова по материнской линии, Михаила Алексеевича Носова.

«Носов М. А. 53 года. Был до коммуны крестьянин-бедняк. Жил в селе Верхне-Жилинском неприписным. Нес много нужды. В коммуне воскрес. Грамоту знает недурно. По должности — овчар. Партизанил. Суров. Насмешлив. Балагур. Остроязык. К врагам беспощаден».

Нам особенно интересна эта характеристика потому, что мы знаем: Гера Титов значительное время жил вместе с матерью у Михаила Алексеевича и, как он сам говорит, дед оказал на него огромное влияние.

Листаем книгу и убеждаемся, как точно характеристика М. А. Носова. Вот некоторые из его высказываний и каламбуров, походя брошенных во время обсуждения книг:

«Я так книгу понял: в ней от солнца зайцы, а писали ее дурные пальцы».

«Строки написаны длинные, только смазаны они из глины».

«Тут Яшка да Стешка, над нами одна насмешка».

«Писал он про кобыл, а я прослушал и все позабыл».

«Стих навроде Володи, на манер Кузьмы, а нам не родня».

Наверное, вот и это имел в виду В. В. Вересаев, когда, завидуя языку коммунаров, писал: «Проглоти перо — так не скажешь».

Еще одна находка: характеристика другого деда Германа, Павла Ивановича Титова: «...Сын унаследовал от отца пытливый ум, который не нашел при царизме надлежащего развития... Физическое нездоровье размыкало заметную даровитость. Хороший по природе человек».

Замечания Павла Ивановича о книгах отличаются от носовских — резких, колючих — своей раздумчивостью, какой-то даже лиричностью, своеобразным певучим слогом:

«К Шишкову применяю я этого писателя по его уму резонному».

«Человеколюбивый стих. Этот поэт пришел к человеку с чистой душой и вплотную приблизился. Стих, как электрический ток, соединился с тобой».

Но вот, в суждении о пьесе К. Тренева «Любовь Яровая», — другие нотки, в которых звучит металл, суровая принципиальность:

«Как же было Кошкину не убить Грозного, коли он грязный мазок положил на всю нашу революцию. Это правдиво. У нас в 1919 году, когда нехорошевская раз-

ведка изнасиловала попадьё,— что, пощадили своих? Нет, брат, утром девять человек так и уложили на льду... Грозной накрал народного золота и предлагал его шкуре барабанной. Выходит — он бандит. Такого — на лоно Авраамово!»

Читаем книгу, страницу за страницей, и перед нами встают образы коммунаров — страстных борцов за новую жизнь, жадных к знаниям, дерзких в мечтах, смелых в делах. Вот они какие были, деды Космонавта-2 Германа Титова! Вот они, корни и ветви, налившие богатырской силой молодой побег древнего сибирского кедра!

В книге Топорова мы нашли также имя Степана Павловича Титова, отца космонавта. Он тоже был активным участником беседований о литературе, начиная со школьных лет.

Мы знаем из воспоминаний Степана Павловича, как он мальчишкой начинал жизнь в коммуне. Сначала — подпасок у Пани Дубка, потом — тракторист на «Интере» и ученик первой школы коммуны. В коммуне умело сочетали обучение детей основам наук, разностороннее эстетическое воспитание и труд.

...Жил до революции в Журавлихе священник Иннокентий Серышев. У него была богатая библиотека. Хранились книги в церковной пристройке. Как-то церковь загорелась, и крестьяне во время пожара растащили книги — на курево. Топоров после этого ходил по домам и выменивал их на старые газеты: вам, мол, все равно из чего самокрутки вертеть. Ему помогали ученики.

И вот в коммуне появилась своя библиотека — целых два шкафа книг. А библиотекарем стал ученик школы Степа Титов.

Однажды мальчик заглянул в «учительскую» и увидел, что Адриан Митрофанович срисовывает с газеты

«Красный Алтай» портрет Добролюбова. Замер с раскрытым ртом: здорово получается.

— Похоже? — спросил учитель.

— Сильно похоже! — восторженно ответил мальчик.

— А ты не пробовал портреты рисовать?

— Не-е-е...

— Тогда на вот, попробуй срисовать Михаила Ивановича Калинина.

Получилось неплохо. С тех пор Топоров стал заниматься со Степой рисованием основательно, не только в школе на уроках.

В школьном оркестре мальчик играл на скрипке.

— Тогда мы занимались в двухэтажном доме, — вспоминает Степан Павлович. — Мы сидим вверху, выполняем урок по музыке, а Топоров работает внизу, в своей комнате. Услышит, что фальшивим, — стучит в потолок: «Куда поехали! Си бемоль!»

Немногим позднее, окончив школу-девятилетку с педагогическим уклоном, Степан Павлович стал работать сначала как бы практикантом, а потом учителем в той же школе, вместе с А. М. Топоровым. А еще позднее в этом же здании учился его сын, будущий космонавт Герман Титов.

— Если есть во мне что-то доброе, — говорил нам Степан Павлович, — это заложено в коммуне.

Коммунары строили новую жизнь, новый быт. Но жили они не в беспечном спокойствии. Помните, что пишет С. П. Титов в своих воспоминаниях о кулацких бандах. Нам рассказывали, что бандиты подбрасывали коммунарам подметные письма: «Всех перережем», поджигали народный дом, баню... Бывало и так...

Поздним вечером кто-то постучал в двери дома Е. С. Блинова, одного из первых заводил в коммуне.

— Кто там?

— Открой на минутку!

Только отворил дверь — грохот выстрела и горячий ожог... Но, видно, дрожала у бандита рука от страха: хоть и тяжело ранил, а не убил.

...На престольный праздник раздобыл где-то Топоров старенький киноаппаратик и потрепанную ленту без начала и без конца и организовал первый киносеанс в истории Журавлихи. На простынях, сшитых вместе, скакали какие-то всадники, шли бои. Зрелище невиданное доселе в этих местах. И не мудрено, что людей набилось видимо-невидимо. А многие прибежали из храма, где шла праздничная служба. Обнаружил поп поредение рядов православных и предал учителя анафеме. По его наущению фанатики сорвали киносеанс, вытащили на улицу Топорова.

— Убить его, хриstopродавца!

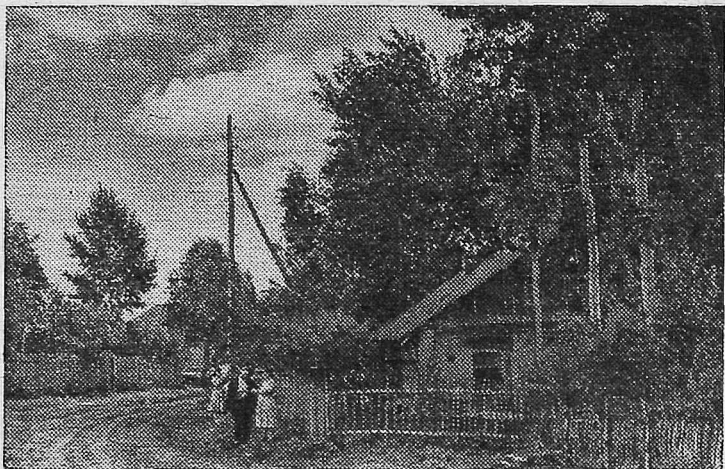
— Живьем в землю закопать!

Подоспевшие коммунары едва-едва отбили его, вырвали из рук озверевшего кулачья.

...В зале клуба — горячий спор. Одним книга нравится, другим — нет. Вдруг где-то за селом — залпы. Повскакали все с мест, и вот через минуту мчатся коммунары по своей боевой тропе к оврагу, занимают в лесу оборону.

Тропа коммунаров... Она и теперь не заросла.

По нашей просьбе Степан Павлович и Александра Михайловна Титовы приехали вместе с нами из Полковниково в Майское Утро, в столь дорогие для них места. Мы бродим по улицам поселка. Он, конечно, широко расстроился, старые дома сменились новыми, более просторными. Но некоторые постройки коммунаров все же сохранились. Вот она, школа, где работал энтузиаст народного просвещения А. М. Топоров, где учился, а потом учительствовал Степан Павлович и где наконец осваивал первые ступени наук Гера...

Отчий дом космонавта в селе Полковниково, его соорудили трудолюбивые руки Степана Павловича.

Вот дом, где Гера родился, дом, построенный руками коммунаров. За ним, внизу,— озеро. Степан Павлович вспоминает, как он, вместе с другими школьниками из коммуны, возил землю к ручью, перегородив который коммунары создали это озеро. За озером виднеется большой каменный скотный двор. Его строили в 1924 году члены коммуны братья Камынины. Степан Павлович, смеясь, рассказывает, как они, то ли в шутку, то ли всерьез, допрашивали его, школьника:

— А ты скажи-ка нам, братец, откуда произошла лягушка?

Маленький домик под железной крышей. Здесь, говорит нам Степан Павлович, жил Топоров. Нынешние хо-

зьева дома Лузянины — добрые знакомые Титовых. И вот мы уже сидим у них в комнате за столом, пьем холодное молоко, а Степан Павлович рассказывает и показывает:

— Вот здесь, в углу, в последнее время стояла фисгармония. По вечерам Адриан Митрофанович приглашал меня к себе, говоря: «Неси-ка скрипку, помузицируем!» Мы ~~б~~уворяли окна, из которых открывался вид на березовые рощи, и над задумчивым сказочным лесом лилась волшебная мелодия Чайковского, будто колыбельная песня засыпающей природе. Чудесные вечера!

Степан Павлович говорит красиво, образно, и вся эта сцена будто живая встает перед нашими глазами.

А вот мы все вместе на Тропе коммунаров. Вьется она меж высоких сосен, стройных красавиц берез. Фонтаном взметнулись они к небу, но, не достигнув его, падают обессиленно вниз изумрудными струями. Под покровом старых деревьев буйно развивается молодая лесная поросль. Обрамлена тропа лесными цветами, будто специально украшена в память о тех, кто проложил ее для потомков.

Сюда в тревожном 1942-м, получив повестку из военкомата, за несколько часов до отправки на фронт, приходил Степан Павлович. Прощаться с древними соснами и березами, вдохнуть воздух, которым дышали бойцы-коммунары, набраться сил и мужества для схватки с жестоким врагом

На эту тропу, по которой он бегал еще босоногим мальчишкой, приходил и Герман, когда в последний раз приезжал в отпуск. Он уже знал тогда, что скоро полетит в космос. И тоже, наверное, затем приходил, чтобы набраться живительных сил от родной природы, вспомнить славных своих предков партизан и коммунаров, которым обязан и жизнью своей, и силой своей, и счастьем своим, и своим подвигом!

Тропа коммунаров... Вон она куда направила простого деревенского парня, потомка коренных сибирских крестьян — в далекое-далекое небо, в космическое пространство, туда, откуда, как на ладони, видно всю землю! Она поведет его к звездам, к неведомым мирам, чтобы свершить великие открытия во имя человеческого счастья!

Тропа коммунаров... Первых защитников Советской власти, первых строителей коллективной жизни на русской земле... Сколько судеб вывела она, прямая и дерзкая, на столбовую магистраль коммунизма!

СЛЕД ЧЕЛОВЕКА НА ЗЕМЛЕ

Впервые услышали мы имя этого человека так. В дождливый июньский день сидели в уютном и просторном кабинете председателя сельсовета Александра Николаевича Хорохордина в селе Верхнее Жилино, что по-старому иногда еще называют Журавлихой. Расспрашивали председателя о культурной жизни села, о том, какое участие в ней принимает местная интеллигенция.

В сельсовет «на огонек» заглянул интересный человек — колхозный кузнец Павел Степанович Блинов, бесменный депутат сельского Совета с 1929 года. («И при открытом голосовании выбирали, и при тайном»). Вошел и вмешался в разговор:

— Что касается культуры нашей, так она вот — из окон видна.

И мы еще раз посмотрели на двухэтажное здание школы, белеющее на горе над селом (в этом году колхоз на свои средства отстроил), и на кирпичные стены строящегося клуба (даже в дождь работают на строительстве колхозные каменщики, к 7 ноября хотят управиться!).

— А насчет интеллигенции, — продолжал кузнец, — у

нас тут издавна добрая закваска положена. Знаете, какие у нас учителя были при самом начале советской власти! Адриан Митрофанович Топоров, что коммунаров учил. Или Степан Павлович Титов — ученик его. Однокашник мой. Вместе в первый класс бегали. Потом отец его забрал в коммуну «Майское утро». Хорошим тоже учителем стал, доброму детей учил. Да и не только детей! Тут тебе и музыка, и театр, и книги читали всем миром. Сейчас он на пенсии, но работает садоводом в совхозе «Луч Октября». Это тоже сызмальства у него такое пристрастие, чтоб деревья сажать. Вон до сих пор у нас черемуха сохранилась, что он посадил. Цветет...

Сорок лет назад ушел из родного села Степан Павлович, а каждый год по весне покрывается белым цветом посаженная им когда-то черемуха. И не увядает добрая слава в селе о старом учителе, который людей «доброму учил».

Отыскать нам его было нетрудно. Где бы ни побывал Степан Павлович, всюду оставлял он после себя хороший след и добрую память.

В селе Полковниково мы сразу же заглянули в сельсовет.

— Ну как же! — сказал нам председатель Николай Иванович Лапин. — Да кто ж его не знает, Степана Павловича! Хорошей души человек. Между прочим — учитель мой. Да тут куда ни кинь — всюду его ученики. И бригады, и председатели колхозов, и агрономы. И в райкоме, и в райисполкоме работают. Многие у него и грамоте, и музыке, и другому всему учились. Много полезных дел он тут сотворил. Пришкольная мастерская у нас, почитай, лучшая в районе — так это он, Степан Павлович, ее организовывал в свое время. Вместе с сыном Германом оборудовал. Сын тут же в школе учился и большое рвение к технике имел. Смышленный такой парнишка, в отца весь. Сейчас летчиком служит.

В семье Титовых все немножко садоводы.

Не знали мы тогда, что вернемся вскоре сюда, чтобы расспросить подробнее об этом смышленном парнишке, имя которого известно сегодня всему миру и уже вписано в самые увлекательные и романтические страницы истории человечества. А пока мы говорили о его отце, уважаемом человеке в районе.

— Или вот еще что, — рассказывал нам Николай Иванович. — Видите, сколько у нас яблонь во дворах. Это его, Степана Павловича, работа. Большой он агитатор за сады, сколько заложил их! Вот сейчас его в совхоз позвали, так и этот сад он сам когда-то закладывал. Запустили его с тех пор, но Титов взялся — значит, теперь дело будет.

А на другой день управляющий отделением совхоза «Луч Октября» Иван Андреевич Белей (в прошлом директор школы, потом председатель колхоза, тридцатитысячник), как бы продолжая мысль председателя, говорил нам:

— Дай бог только доброго здоровья Степану Павловичу — он нам лет за пять такой сад поднимет! Давно я его знаю, за многие дела он брался. И не было такого, чтоб не довел до конца. А нам нельзя плохой сад иметь, наш совхоз теперь — опытно-показательное хозяйство района...

И вот мы в доме Степана Павловича Титова.

Нас встретил высокий, плечистый, сухощавый, ладно скроенный сибиряк с отливающей сталью сединой. На загорелом дотемна лице — светлые вдумчивые глаза. Прямой, крупный, резко очерченный нос. Крепкий, словно из камня выточенный, подбородок. И сразу покоряющая вас, такая добрая, немного застенчивая и даже чуть беспомощная белозубая улыбка.

Говорит свободно, подчеркивая слова широким размашистым жестом крупных и сильных рук. Сколько раз их называли нам разные люди золотыми! А ведь рука не меньше говорит о характере человека, чем его лицо. У

Степана Павловича широкие мозолистые ладони и длинные чуткие пальцы. Руки земледельца и скрипача. Они одинаково хорошо владеют баранкой автомобиля и кистью, смычком и лопатой.

О себе он говорить не любит. И если все-таки рассказал нам кое-что, то только потому, что мы пришли к нему с заветным паролем — с именем Адриана Митрофановича Топорова. Своего учителя Степан Павлович помнит и нежно любит до сих пор. В семье Титовых это имя пользуется огромным уважением.

И все-таки большую часть деталей, рисующих как-то характер отца космонавта, нам рассказали другие. Вот несколько таких штрихов.

Со времени коммуны терпеть не может Степан Павлович заборов. Как только обосновался на новом месте, установил самые добрые отношения с соседом Полушкиным Игнатом Петровичем. Увлёк и его садоводством, а когда оба садика сомкнулись, уговорил убрать забор. И сад стал как бы единым — и двор один.

Как-то прибегает сосед к нему.

— Павлович, у тебя саженцы поворовали.

Саженцами этими очень дорожил Степан Павлович. Редкие какие-то были яблоньки. С трудом раздобыл их. Но печальному известию неожиданно обрадовался.

— Так что ж ты, Игнатий Петрович, горюешь? Не зря, значит, мы с тобой агитировали за сады. Не яблочки ведь полезли воровать — саженцы!

А вот еще факт. О нем рассказали нам в сельсовете. Обложили Степана Павловича неправильно сельхозналогом. Ошибка вышла. Недоразумение. Но он и словом не обмолвился об этом. Потом корил его председатель:

— Ты же человек грамотный. Что ж молчал, что с тебя неправильно деньги берут?

— Так не в чей-нибудь карман, государству деньги пошли, — отшучивался тот.

Таков он — деликатный, мягкий. Но когда надо добиться поставленной цели или сдержать данное слово, тогда проявляется у него и железная негибкая воля.

Был такой случай. Сын его Герман кончал четвертый класс. А тут на счастье как раз решение: преобразовать полковниковскую начальную школу в семилетку, создать пока на следующий учебный год пятый класс. Да вот беда — преподавателя немецкого языка не смогли найти в районе. Как быть? Думали было как-нибудь один год обойтись без этого предмета. Но Степан Павлович не мог с этим смириться. Поехал в район и сказал:

— Вы меня знаете. Доверьте этот предмет мне. Вечером буду учиться сам, днем буду учить ребят. А я за это обещаю заочно получить необходимое образование.

Ему поверили. И вот этот немолодой и перегруженный работой человек до поздней ночи сидит над учебниками и сдает предмет за предметом на заочном отделении иностранных языков Московского педагогического института.

Через год отпала уже острая необходимость в такой переквалификации, еще через два Герман, окончив семилетку, пошел в другую школу. А Степан Павлович продолжал упорно учиться, выполняя данное когда-то слово. И получил-таки диплом преподавателя немецкого языка заочно! Кто знает, чего ему это стоило.

Высокое чувство долга — может быть, одна из главных черт его характера. Мы обратили внимание на красочные, со вкусом и хорошей выдумкой сделанные плакаты в конторе, на фермах, в клубе.

— Это я между делом оформительством занимался, — сознался Степан Павлович. — Какая садоводу работа зимой! Вот я и рисовал плакаты. Чтоб совесть была спокойна.

Так он и идет по жизни, человек с чистой совестью, всегда и везде безукоризненно выполняющий свой долг.

Первой забавой у Геры была гармошка.

Богатый оттого, что не жалея, щедро и до конца раздает себя людям. Счастливый оттого, что всюду после себя оставляет цветущие сады и ростки доброго, нового, честного в сердцах своих учеников.

Так он жил до войны: «учил детей доброму», созда-

вал музыкальные кружки, творил, выдумывал, искал. Так он вступил в войну.

Ушел на фронт директор школы Иван Андреевич Белей, вручил ему ключи от школы. Расцеловались на прощанье. И стал Степан Павлович директорствовать. Но вскоре и сам ушел на войну, оставив жену и двоих малых детей. В Новосибирском автополку прошел курсы шоферов — и поехал в Горький за машинами. Но машины надо было еще собрать, и он стоял у конвейера. Потом сел за баранку и вместе с друзьями, среди которых попало несколько бывших коммунаров (не зря в «Майском утре» учили ребят тракторы водить!), они погнали новые машины на фронт — к Москве. На станции Баковка стоял их запасной полк. И тут, пользуясь небольшой передышкой, Степан Павлович нашел любителей музыки. Таким оказался и их командир капитан Сергеев. Узнал, что Титов — музыкант, раздобыл где-то скрипку, отвел Титова подальше в лесок:

— А ну, играй!

Схватил скрипку Степан Павлович дрогнувшими от радости руками, и поплыла над подмосковными сосенками широкая украинская песня про ревущий и стонущий Днепр. Вскоре он уже дирижировал созданным им оркестром и даже выезжал с концертами в соседние части.

А машины шли и шли на фронт. Капитан Сергеев не спешил расставаться со своим оркестром. Заметили это музыканты, собрались обсудить волнующий вопрос:

— А не заигрались ли мы с вами, ребята? Когда же воевать будем?

И, воспользовавшись отсутствием добряка командира, двинули всем оркестром на фронт. Подвозили на передовую боеприпасы, увозили раненых — под Москвой и под Орлом, под Полтавой и под Яссами...

День победы Степан Павлович встретил где-то у границ Восточной Пруссии.

14 ноября 1945 года вернулся солдат Титов с фронта. Мало привез он рассказов о боевых эпизодах. Воевал мужественно и честно, но говорить о том не любил.

И опять занятия в школе, и музыка, и живопись, и опыты в саду, и опять в каждом деле какая-то живинка, какая-то своя творческая находка.

В школе села Полковниково и сейчас хранят любопытный агрегат, который сконструировал и смонтировал с сыном своим Германом Степан Павлович. Это стенд с табличками, на которых пишутся вразброс немецкие и русские слова. Учитель задает вопрос, ученик должен найти нужное слово и показать его специальной электрифицированной указкой. Правильно ответил — на доске вспыхивает пятерка, неправильно — двойка. Можно себе представить, какими увлекательными для ребят стали уроки скучного немецкого языка!

И сейчас еще занимался бы любимым делом Степан Павлович, да подкосила тяжкая болезнь. Врачи сказали: надо на пенсию. Спокойная жизнь, свежий воздух... С туберкулезом не шутят.

И Степан Павлович ушел на пенсию. Но сразу же нашел себе новую работу в совхозе, на свежем воздухе. Он полон творческих замыслов и планов. Недавно этот беспокойный человек вернулся с курсов овощеводов.

— Совхоз наш зерновой, — говорит он нам. — Но должны же мы хоть свой поселок овощами обеспечить. А люди все заняты. Овощевода нет. Вот я решил еще и этой специальностью овладеть. Так и живу. По принципу: на безрыбье и рак рыба.

Так и живет он. И если перевести его поговорку с языка шутки на серьезный язык, то принцип его будет выглядеть несколько иначе: я всюду, где трудно, где я нужен, где смогу принести больше пользы.

«Я всю жизнь был простым рядовым Советского Союза», — писал он в одном из последних писем сыну. И мы на примере всей жизни этого замечательного человека убеждаемся, какой это ответственный и почетный чин.

В прошлом году Степану Павловичу исполнилось пятьдесят лет. Он был убежден, что никто не напомним ему об этой в общем-то не очень веселой дате. Сам он, во всяком случае, не любил о ней вспоминать. И вдруг является к нему управляющий, Иван Андреевич Белей:

— Поздравляю тебя, дорогой, с днем рождения. Собирайтесь-ка с Шурой в клуб, народ просит...

Гроном аплодисментов встретил переполненный зал их появление. Смущенного юбиляра и его жену Александру Михайловну усадили на почетное место за столом. И началось чествование. Выступали рабочие совхоза, агрономы, учителя, просто жители села, выступали бывшие ученики с сединой на висках и ученики нынешние — с красным галстуком на груди. Каждый говорил о том, что дал юбиляр ему лично, его родному совхозу, его родному селу.

Вконец растерявшегося Степана Павловича завалили подарками, а потом вместе с женой пригласили на торжественный ужин, приготовленный лучшими поварами села. И был пир горой. И состязались в музыке ученики Степана Павловича, и пускались в огневой перепляс, когда Степан Павлович разводил меха своего баяна. И произносились добрые тосты за семью Титовых, за корень их — дедов и прадедов, партизан, коммунаров, исконных хлебопашцев, за их детей и будущих внуков.

...Под утро случайный приезжий, спешивший на поезд, остановился у клуба, спросил у вышедших покурить мужчин:

— Что за праздник у вас в селе?

— Степана Павловича чествуем.

— А кто это?

— Как тебе объяснить... Просто очень хороший человек.

— А где работает?

— Степан Палыч-то? Везде работает.

...На бешеном скаку разметалась грива лихого коня. Накренился в седле тяжеловесный Тарас, взмахнул рукой. Эх, горе-то какое — люльку выронил. А по пятам ляхи скачут. Вот-вот настигнут. Но не попадать же казачкой люльке во вражьи руки...

Копия с очень знакомой картины Герасимова. Но что это? У Герасимова степь — ковыльная, блеклая, тоскующая, как будто предсказывающая трагедию, которая сейчас здесь произойдет, а на копии — сочная трава по брюхо коню, и вся степь распахнулась в буйном цветении — ликующая, жизнеутверждающая. И ляхи значительно дальше от Тараса, чем на оригинале. Смотришь на копию и невольно веришь — уйдет Тарас от погони. Может уйти, должен уйти!

— Это моя незадачливая копия, — виновато улыбаясь, говорит нам Степан Павлович. — Не умею я точно копировать, так и подмывает по-иному сделать. Вот и позволил себе такую вольность. Ну, да я думаю, Сергей Васильевич Герасимов не будет на меня в обиде. Хотя бы потому, что никогда моего художества не увидит. Хотелось как-то надежду подать зрителю, что победит Тарас — цветущий, буйный, как сама степь, выросившая его... Ну и не утерпел, помог казаку оторваться от врагов. Вопреки первоисточнику. Своя рука — владыка...

Такой он во всем, отец Космонавта-2. За что бы он ни взялся, во все внесет беспокойный дух творческих поисков, в любое дело вложит кусочек своей души, своего видения жизни.

Мы уже третий день знакомы с этим человеком. Третий день мы неотступно ходим за ним и, пользуясь его

деликатностью (иногда, может быть, чрезмерно пользуясь ею), ненасытно расспрашиваем его, расспрашиваем его соседей, учеников. Мы уже, кажется, знаем все о нем. И все-таки каждый час мы делаем все новые и новые открытия.

Мы уже знали, что Степан Павлович — сельский учитель. И не просто учитель, а педагог-просветитель, в лучшем и самом высоком смысле этого слова. Старый солдат культурной революции, такой же страстный и одаренный, как и его учитель — коммунар А. М. Топоров. За тридцать лет работы в школе он переменял много специальностей. Вел начальные классы, преподавал литературу и русский язык, математику и ботанику, черчение, немецкий язык. А в сущности он преподавал всегда один предмет: каков должен быть Человек на земле. Недаром идут к нему люди и с радостью, и с горем своим, поверяют самое сокровенное.

Мы знали, что Степан Павлович заядлый садовод, что вот уже тринадцать лет он с увлечением возится на своем маленьком участке у дома. И знали, что он не просто садовод, а садовод-опытник, экспериментатор, страстный пропагандист мичуринских методов и выведенных Мичуриным сортов. Стремление украсить суровую сибирскую землю цветущими садами стало его вторым призванием. Многим он привил эту благородную страсть.

Мы знали, что Степан Павлович талантливый музыкант, владеющий почти всеми инструментами, что он тонко чувствует и хорошо передает классическую и современную музыку, что он учился в свое время в Московской консерватории у знаменитого Глиера и только тяжелые житейские невзгоды помешали ему стать музыкантом-профессионалом. Но мы знали также, что это не просто талантливый исполнитель.

Десятки оркестров организовал Степан Павлович за свою жизнь, сотням людей открыл дорогу в прекрасный

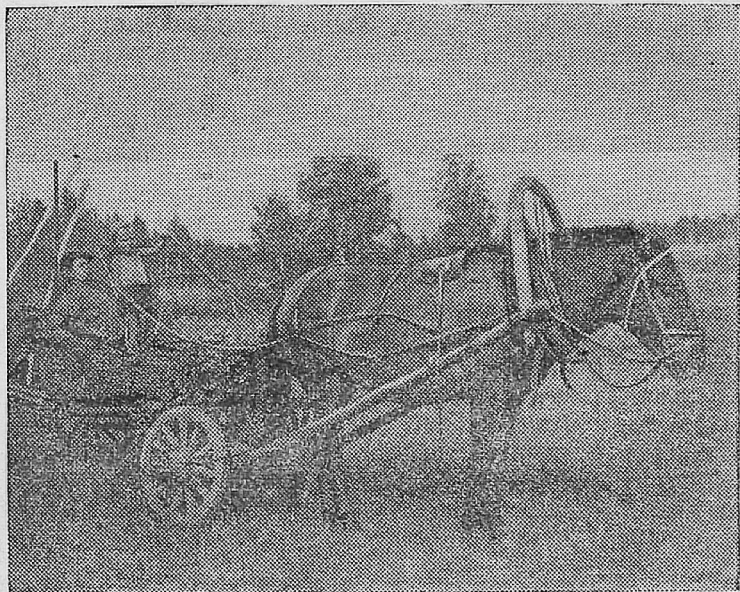
мир большой, настоящей музыки. И не только для того он овладел фортепьяно и скрипкой, мандолиной и баяном, чтоб самому наслаждаться искусством (хотя ведь и это неплохо). Он, как всегда, нес людям все, чего добился сам упорным и страстным трудом. На вечере молодежи и на концерте в сельском клубе, в избе колхозника и в тесном классе сельской школы пела его скрипка и рассыпал малиновые переборы баян, доставляя людям радость, украшая их жизнь.

Мы знали, что это одаренный художник. И не просто дилетант, копирующий картинки и срисовывающий «виды для памяти». Степан Павлович страстный певец родной сибирской природы. На его натюрмортах плоды и цветы земли Алтайской, в его пейзажах чудесные уголки этой земли.

Возможно, ему не хватает мастерства, нет настоящей школы. Потому и бьется годами он над некоторыми этюдами, потому и остаются незаконченными почти все его полотна. Но что видно сразу даже неискушенному взгляду — это зоркая наблюдательность самобытного художника, это изумительное чувство природы и глубокая мысль, заложенная в каждой его работе. В его картинах борьба света и тьмы, холода и тепла, тоски и радости, и всегда побеждает светлое начало, торжествует жизнь..

Вот его пейзаж «После дождя». Тяжелая сизая туча придавила к земле деревья, тревожно мечутся ветви под ветром. Но уже открылся в разрыве туч клочок синего-синего неба, и где-то упал первый луч света, и чуть-чуть засветилась теплым золотом трава...

Или еще. Холодное осеннее небо. Подмалевок такой же холодной и пустой земли. А на пригорок выскочили три березки, охваченные ярким осенним пламенем,— и смеются, и лепечут, не сдающиеся, жарко-червонны, бросающие вызов наступающей зиме.

В четыре года он учился управлять лошадью. Теперь у него в упряжке — десятки миллионов лошадиных сил.

Хранятся эти этюды за шкафом. Автор часами «под настроение» бьется над ними и опять прячет их подальше. Не удовлетворен, не выразил того, что хотел.

И опять — не только для того он увлекается живописью, чтобы «цветом глаз порадовать» (его выражение). Мы видели его картины в клубе и в школе, видели в сельской библиотеке портреты Пушкина и Гоголя, любовно написанные им. С удовольствием читали обязательство работников совхоза на живописных щитах-плакатах, нарисованных Степаном Павловичем.

Мы уже знали и то, что Степан Павлович один из первых трактористов Алтая, что он высококвалифицированный шофер, самый популярный лектор в селе и бес-сменный секретарь участковой избирательной комиссии на каждых выборах.

В общем мы знали об этом человеке столько хороше-го, что уже не могли не любить его всей душой. А он нет-нет да и повернется к нам еще какой-то гранью.

Вдруг мы узнаем, например, что на районных смотрах исполнялись песни, написанные С. П. Титовым. Так он, оказывается, еще и композитор!

Степан Павлович вздыхает и по нашей, прямо ска-жем, весьма настоятельной просьбе достает свой баян. И разливается, как бы раздвигая стены его домика, ши-рокая, раздольная, словно сибирские степи, «Алтайская лирическая», звенит простая и трогательная песенка «Сельские напевы». И оживают, и приобретают какой-то новый, берущий за душу смысл нехитрые стихи учителя Александра Фомича Кулика:

«Гаснет в небе заря золотая,
Тихий вечер ложится вокруг.
В этот час на далеком Алтае
О тебе вспоминаю, мой друг!»

И тут же, вскоре после этого концерта, мы узнаем от соседей, что уютный домик, в котором нас так госте-приимно приняли, Степан Павлович срубил сам, своими руками, и что он, оказывается, отличный плотник.

А вот мелькнуло в старом номере районной газеты стихотворение, запомнилось из него четверостишье:

«Белопенный кружит,
Вызмельсь, ручей,
И лопочет лужа
В пляске пузырей»...

Подписано: С. Титов. Титовых много в этих местах. Спрашиваем: не родственник ли?

— Это я грешу иногда стихами. Получаются.., на уровне пейзажей. Никак не решу — что хуже, — как обычно подтрунивая над собой, сознается Степан Павлович. — Много стихов я в свое время на эсперанто писал. Потому — вольготнее. Никто не поймет.

Еще одно открытие. Оказывается, в молодости Степан Павлович страстно увлекся эсперанто, овладел этим языком, в специальных журналах стихи печатал (конечно же, прославляющие родной Алтай!) и вел обширную переписку чуть ли не со всеми континентами. Особенно интересные письма писали ему портниха из Германии, крестьянин из Японии и учитель из Австралии.

Слушали мы Степана Павловича и поражались: как же необъятен круг интересов этого человека. Как богат и прекрасен духовный мир этого лучшего представителя нашей сельской интеллигенции. Какие же огромные душевные силы, какие яркие дарования разбудила у этого простого крестьянского паренька коммуна, рожденная на заре советской власти. И еще думалось тревожно: как и какими словами сможем мы рассказать читателю об этом удивительном человеке!

И сейчас Степан Павлович, как и раньше, — «везде работает». И работает по-своему.

Попросили его этой весной сделать доклад к 8 Марта. Дали журнал с пропагандистской статьей о Международном женском дне.

— Выручи, пожалуйста, работы тут тебе немного, выпиши из статьи кое-что, остальное своими словами.

Учить ученого! Степан Павлович просидел за работой несколько вечеров и подготовил литературный монтаж о русской крестьянке, о ее судьбе и о судьбе ее счастливой сестры — советской колхозницы. Использовал он в монтаже и некоторые цифры из пропагандистской статьи.

А читал как! Надо ли говорить, что на этот доклад-концерт никого зазывать не пришлось.

А то недавно заглянули к нему комсомольцы:

— Степан Павлович, сектанты что-то у нас подняли головы, пропаганду разворачивают божественную. Может, выступите?

И Степан Павлович выступает, привлекая на помощь и химию, и физику, и классическую литературу.

Библиотекарь как-то перехватила на улице:

— Готовим литературную конференцию на тему «В человеке все должно быть прекрасно». Не обойтись без вас.

— Хорошо, буду. Запишите за мной мою любимую тему: «В труде красота человеческая».

Конференция началась вяло. Выступающие поглядывали на Степана Павловича. И вот он взял слово. Он говорит... нет, не говорит — он импровизирует увлекательную поэму о труде, облагораживающем человека, и в заключение читает монолог Сатина о том, что это счастье, когда труд удовольствие...

А то как-то сам пришел в библиотеку. Услышал — спрос на Шолохова большой, а книг его в библиотеке мало. Предложил:

— Давайте я почитаю в клубе «Поднятую целину».

И читал увлекательную книгу часами в переполненном клубе.

Так вот «ушел на заслуженный отдых» учитель Степан Павлович Титов. Так широко и своеобразно пользуется он этим отдыхом. Рядовой Советского Союза, солдат культурной революции, он продолжает ее дело и в наши дни, не собираясь покидать своего боевого поста. За то и любит его народ. За то ему и честь.

...Из дюз вырвалось яркое пламя. Под оглушительный взрыв и восторженные крики над головами собравшихся взметнулось ввысь блестящее тело ракеты. Она промча-

лась по заданной ей траектории через весь зал. И замерла, слегка покачиваясь на проволоке.

Степан Павлович вернулся на трибуну и, улыбаясь, ждал, когда успокоится аудитория.

— Теперь вы увидели сами,— продолжал он лекцию,— принцип работы реактивных двигателей.

В этот раз он читал лекцию об освоении космического пространства. К ней он готовился, как всегда, тщательно. На сцене возвышался большой глобус, охваченный металлическими обручами — орбитами первых спутников земли. На доске висели его собственные чертежи и иллюстрации. Лекцию он закончил так:

— Близок день — и мы с вами доживем до него,— когда в космос полетит человек. Конечно же, это будет наш, советский человек.

Грянули аплодисменты. Степан Павлович стоял на трибуне подтянутый, внимательный, чуть усталый.

А в это время сын его готовился повторить эксперимент, только что продемонстрированный в сельском клубе отцом... Правда, несколько в более крупном масштабе и перед более широкой аудиторией, имя которой — Вселенная.

Когда мы прощались со Степаном Павловичем, он сказал:

— Если удастся вам повидать Топорова, передайте Адриану Митрофановичу низкий мой поклон, Большое спасибо ему за то, что он отнял у меня на всю жизнь досуг и в то же время научил его скрашивать и отдавать другим.

А мы думали — сколько же ты научил вот так же страстно любить жизнь и вот так же полно — до конца — отдавать всего себя людям. Среди них ведь и твой сын.

Не случайно говаривал Герман Титов друзьям:

— Если б вы знали, какой у меня батя! Всем хорошим, что есть у меня,— я ему обязан...

ВЕТЬ СИБИРСКОГО КЕДРА

Маленькая комната в маленьком доме. Стол, две кровати, телевизор, мольберт и на нем — незаконченный этюд. На стенах пейзажи и натюрморты, два коврика. Кстати, один из них выткан руками хозяина по его же эскизу. На тумбочке у кровати последние номера журналов «Художник» и «Садоводство». В углу — «Москва»: так ребятишки, которые любят заглянуть к Титовым, называют макет Спасской башни с настоящими часами. «Москву» соорудили совместными усилиями отец и сын.

Здесь живут Титовы, муж и жена, не так давно отметившие свою серебряную свадьбу. Но дети, которые сейчас далеко от родного дома, тоже будто присутствуют здесь. Фотография сына и его жены, фотографии дочери, их письма на этажерке. На стене — изящная полочка, искусно выпиленная из фанеры, на столе — такой же ажурный бокал для карандашей, — это сделал сын в свой последний отпуск на память родителям. А портрет Ленина и букет цветов вышиты ловкими пальцами дочери.

Сына зовут Герман. Дочь — Земфира.

— Назвал детей по литературным источникам, — как всегда, слегка подтрунивая над собой, говорит Степан Павлович. — Молодость. Сейчас, может, и попроще дал бы имена. Но сына все равно назвал бы Германом. У моего учителя Топорова сын Герман. Нравилось мне это имя — и музыкальное и литературное одновременно... А дочка родилась у нас черненькая такая — ну чисто цыганочка. Вот и нарек ее Земфирой. Топоров корил меня потом: «Ты бы хоть из одной оперы... Лизой бы, что ли, назвал». А я ему: «Опер любимых много, а детей у меня только двое».

— И слава богу,— вмешивается хозяйка.— А то бежали бы у нас по избе Бахчисарайские Фонтаны.

— Так это балет, а я не танцую,— отбивается Степан Павлович.

Наверное, еще потому так уютно и просто чувствуешь себя в этом доме, что хозяин и хозяйка то и дело добродушно подшучивают друг над другом, и в доме все время царит хорошая, приветливая улыбка.

Александра Михайловна — полная, круглолицая женщина, с доброй широкой улыбкой. Мягкая, плавная поступь, внимательный ласковый взгляд — все обнаруживает в ней хлопотунью хозяйку и заботливую мать. Смотришь на эту женщину — и кажется, будто всю жизнь прожила она вот так вот тихо, в уюте и покое, в несложных хлопотах по хозяйству. Но это не так.

Перед нами семейный альбом. Вот групповой портрет — комсомольская ячейка коммуны «Майское утро». Сразу узнаем Александру Михайловну. Детство ее, как и детство мужа, прошло в коммуне, которую вместе с другими партизанами создавал ее отец М. А. Носов. Училась в той же школе, бегала по тем же улицам, что и Степан Павлович. Об этих годах осталось у Александры Михайловны самое светлое воспоминание. Но было другое время, тяжелое, суровое...

С фотографии на нас глядят большие грустные глаза, подчеркнутые худобой лица. На этом снимке Александру Михайловну узнать труднее, чем на фотографии, сделанной больше тридцати лет назад. Снимок времен войны.

Когда проводила мужа на фронт, на ее руках остались семилетний сын и шестимесячная дочь. Сына надо было учить, дочь требовала неотлучной заботы. А работать тоже нужно было, чтобы кормить семью, оставшуюся без хозяина, семью немалую: двоих детей и двоих стариков — отца и мать.

Курсант авиационного училища Герман Титов.

В трудную годину Александра Михайловна вернулась с детьми в родные места, в поселок «Майское утро» к своему отцу Михаилу Алексеевичу Носову. Поступила работать в колхоз счетоводом. Работала, растила детей. Каждое утро просыпалась с тревогой: что-то принесет почтальон...

Внучат помогал воспитывать дед. Бывало, Александра Михайловна придет с работы и видит — лежат они с внуком на печке и занимаются арифметикой.

— А теперь, внучек, сосчитай-ка: пас я восемь овец, пять убежало. Сколько осталось?

До сих пор в семье Титовых считают, что приохотил Германа к математическим наукам именно дед — Михаил Алексеевич.

А порою на печке шли совсем другие разговоры. Дед рассказывал внуку о героях-партизанах, как бились они с «беляками», не зная страха, не жалея жизни своей. Рассказывал о коммунарах, построивших в лесу вот этот самый поселок, а в нем — новую, хорошую, дружную жизнь. Очень любил Гера слушать дедовы сказки, шутки и прибаутки, которыми Михаил Алексеевич сыпал на каждом шагу. Вместе ездили они на покос. Оттуда Гера возвращался, восседая на самой верхушке воза с сеном. Ходили ловить карасей, и там мальчик, сидя рядом с дедом и неотрывно следя за поплавком, нередко просил Михаила Алексеевича:

— А расскажи-ка, деда, про храброго партизана Колядо.

...Теперь Степан Павлович и Александра Михайловна живут вдвоем. А кажется, совсем недавно здесь было шумно, весело, дети доставляли много радостей и много забот.

Сын. Как мечтал о нем Степан Павлович! Какие надежды связывал с его будущим! И надежды, и несбывшиеся свои мечты. Чего греха таить, мечталось в юно-

сти стать большим настоящим музыкантом или художником, поэтом. Не сбылось. В трудные времена довелось начинать жизнь. А вот если будет у него сын... Какие дали распахнутся перед ним! Какие дороги откроются! И какое счастье — выполнить долг отца: взять сына за руку и подвести его к самой прекрасной и светлой из всех дорог. Иди, малыш, ступай твердо по родной земле. Недаром боролись за нее отцы твои... Я не знаю еще, кем ты будешь. Может быть, музыкантом, может быть, инженером или ученым. Но ты обязательно будешь порядочным человеком — добрым и честным, прямым и сердечным. За это я ручаюсь, твой отец.

И вот у него растет сын. Крепкий, большеголовый мальчуган с пытливыми и ясными глазами. Как осторожно и зорко приглядывается к нему Степан Павлович. Кажется, у него есть слух. Кажется, он любит музыку. И отец, как скульптор, приступает к тонкому и трепетно-радостному процессу ваяния души человеческой.

Первой забавой у Геры была гармошка. Конечно, об этом позаботился Степан Павлович. Он хотел, чтобы сын не только научился хорошо чувствовать музыку, но и овладел всеми инструментами, стал виртуозом, исполнителем, а может быть, и композитором. После гармошки купили Гере мандолину. Настал день, когда отец торжественно вручил ему скрипку. В школьном оркестре с раннего детства посадил сына за барабан, тот самый, сделанный еще коммунарами: пусть развивает чувство ритма — самое главное для музыканта.

Сын охотно занимался музыкой и действительно любил ее. Но чем дальше, тем острее чувствовал отец: настоящей, всепоглощающей тяги к музыке у Геры нет. Не заметно в нем того горения, без которого немислимо творчество в искусстве.

Пробовал Степан Павлович увлечь сына литературой, живописью. Будущее Геры как художника или пи-

сателя тоже imponировало его сердцу. Мальчик живо интересовался и тем, и другим, но одновременно его увлекало иное, совсем не то, к чему пытался пристрастить его отец. И увлекало все сильнее, превращаясь в настоящую страсть...

Из школы Герман приходил всегда перемазанный мазутом, выгружал из карманов какие-то гайки, проволочки, шестеренки...

— Что ты там делаешь, где пропадаешь?

— На электростанции. Движок ремонтируем.

В школе была своя маленькая электростанция, которую ребята называли солидно «ТЭЦ». И Гера готов был возиться возле нее целыми сутками. То, что она часто выходила из строя, отнюдь не огорчало мальчика.

...Поздняя ночь. Но в доме Титовых не спят: до сих пор нет Геры. Он уехал с шофером дядей Тишей, который брал иногда ребят с собою в рейс. Но уже давно бы пора вернуться. Мать тревожится:

— Не случилось ли что в дороге?

Отец успокаивает ее и старается не подать виду, что у самого на душе кошки скребут.

Солнце уже заглянуло в окна через верхушки деревьев сада, когда наконец в комнату ввалился Гера. Усталый, круги под глазами. Голодный, первые слова: «Мам, пирог еще остался?» Пропыленный насквозь, перемазанный маслом, но... сияющий от счастья.

— Ехали-ехали — раз! Мотор заглох. Искали-искали, еле нашли, в чем дело. Всю ночь ремонтировали. Но доехали сами!

А потом, уплетая за обе щеки пирог, рассказывает:

— Я почти всю дорогу сам машину вел. Дядя Тиша дремлет, только нет-нет глазом подсматривает, особенно когда тряхну его на ухабе... А я газую!

И сколько восторга в этом «газую!».

У Геры появилась любовь к скорости. Вылилась она еще в одну неистовую страсть — велосипед.

— С ним я подружился, когда учился в пятом классе,— рассказывал нам Герман Титов.— Снял с отцовского велосипеда седло, привязал к нему подушку... Ездить любил, да и теперь люблю, далеко и быстро. Поставил тогда себе цель — каждый день делать сто километров. С утра отправлялся на соседнюю станцию за хлебом — туда и обратно двадцать четыре километра. Потом к деду, в «Майское утро», — семьдесят шесть километров в оба конца. Приеду от деда — еле-еле ногами двигаю, свалюсь у порога, и кровь из носа.

Не менее горячо занимался Герман другими видами спорта, особенно гимнастикой и волейболом. Домашних это беспокоило, потому что в своих увлечениях он доходил до самозабвения, в азарте не щадил себя и с ним то и дело случались неприятности.

Однажды упал с велосипеда и сломал руку. С трудом поднялся, опять взобрался на машину и поехал в больницу, которая была недалеко. Домой явился уже с гипсовой повязкой. В другой раз его привели домой товарищи под руки. Александра Михайловна только ахнула: весь лоб у сына в крови. Что случилось, где расшибся?

— В футбол играли. О столб... По сегодняшней игре отбирали из нас игроков в сборную команду,— помолчал и добавил, довольный: — Меня взяли...

Даже такой безобидный снаряд, как параллельные брусья, мать считала смертоубийственным. Еще бы: перед самым экзаменом Герман целый день работал на этом снаряде, и на ладонях его вздулись большие кровавые подушки, такие, что перо с трудом в руки взял, и то лишь после того, как сам сделал себе «операцию» — вскрыл мозоли.

В школе, в учебе, у Германа тоже все ярче проявлялись совершенно определенные наклонности. Отметки по математике, физике, химии были у него значительно лучше, чем по литературе. В этом немаловажную роль сыграл учитель математики Иван Васильевич Кулиш. Страстная, видно, была у него натура. Герман рассказывает, что учитель, человек недюжинного роста, объясняя урок, так иногда размахивал руками, что задевал потолок и с него сыпалась штукатурка. Ребят он приучал к самостоятельному мышлению, старался воспитать в них качества исследователя.

— А ну,— говорил, бывало, Иван Васильевич,— кто сумеет доказать эту теорему по-своему, новым способом?

И ребята в поте лица трудились над поисками оригинальных путей в математике.

С другим учителем, физиком Семеном Николаевичем Ванюшкиным, Гера подолгу засиживался после уроков, собирая то детекторный приемник, то усилитель для школьного радиоузла.

Степан Павлович видел: сын не хочет или не может идти тем путем, который он для него избрал. Герман ищет свою тропу, но — это радовало — тоже нелегкую. Отец с удивлением и не без опаски наблюдал, как лепится этот характер, бурный и гордый, целеустремленный и неистовый. Не без опаски потому, что знал: направь его в верное русло — горы свернет, рванет не в ту сторону — беды натворит.

Умный педагог, Степан Павлович понимал: увлечениям Геры нельзя препятствовать. И больше того, сам человек увлекающийся, он стал зажигаться интересами сына. Вместе они мастерили планеры, каких-то диковинных змеев, которые взлетали чуть не под облака. Вместе создавали школьную мастерскую... Отец выписал

для Геры журналы «Юный техник» и «Техника молодежи».

Но вместе с тем не уставал повторять:

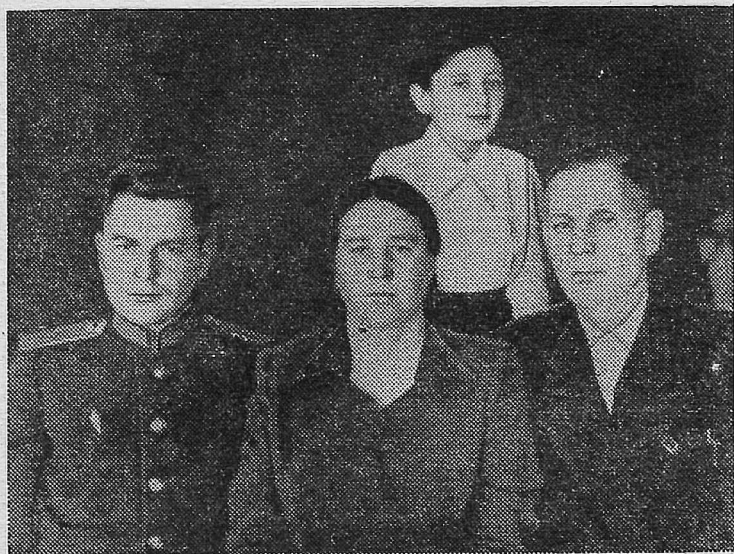
— Инженер, не понимающий искусства,— плохой инженер; конструктор, не умеющий мечтать,— не конструктор; ученый, не чувствующий музыки и не понимающий прелести поэзии,— просто обокравший себя человек. Кем бы ты ни был, жизнь твоя должна быть духовно богатой, ты должен видеть прекрасное и уметь любоваться им...

И сын нередко радовал отца. Он очень увлекся Маяковским. С успехом занимался в литературном кружке. Написал даже рассказ «Как дед «лешего» в бане поймал».

На выпускных экзаменах Герман написал сочинение на тему «Образ В. И. Ленина в произведениях В. Маяковского и М. Горького», за которое, к немалому удовольствию отца, получил пятерку. И музыкой продолжал заниматься, участвовал в самодеятельности...

Пожалуй, только на одно увлечение сына Степан Павлович не обратил серьезного внимания: на интерес к летчикам, к книгам о замечательных полетах. Ведь знал: все мальчишки к этому равнодушны. Видимо, у Германа так и было поначалу: он интересовался авиацией так же, как все мальчишки. Но потом юноша очень подружился с братом матери, летчиком Александром Носовым. Когда тот приезжал в отпуск, Гера не отходил от него ни на шаг, слушая рассказы о службе пилота, о скоростных самолетах... А когда окончил десятый класс, довольно неожиданно заявил родителям, что пойдет служить в авиацию.

Отец в то время уже был почти убежден, что Гера поступит в институт, станет инженером, ученым. И теперь, услышав заявление сына, счел его несерьезным, ре-

Прибыл солдат на побывку домой.

зультатом мимолетного настроения. Поэтому спросил язвительно:

— Что, оперение летное понравилось?

Мать всячески отговаривала. А когда Гера благополучно прошел медицинскую комиссию, пустилась на хитрость:

— Вот пойду и скажу, что ты обманул врачей: руку-то сломанную спрятал...

— Они сами не заметили,— оправдывался Гера.— А потом я ее растренировал, уж сколько времени тренирую. Она еще крепче стала.

И вскоре родители поняли: все это очень серьезно,

Диспуты кончились. Герман настоял на своем и уехал в авиационное училище.

...Вот и расстались отец с сыном. Легли между ними многие версты, но нити крепкой духовной связи не порвались, не стали слабее.

От Геры шли восторженные письма: доволен и товарищами, и командирами, и науками, которые им преподносят. И конечно же, больше всего — сказочно быстрыми стальными птицами.

Отец внимательно вчитывался в строки этих писем. Да, сын, видимо, нашел свое призвание.

Знал Степан Павлович, что к военной службе не сразу привыкают. А Гера горячий, вспыльчивый. Однажды отец не утерпел, написал командиру части письмо: как там ведет себя мой сын? Дружен ли с товарищами, уважает ли командиров? Ответили коротко: «Ведет себя, как положено курсанту. Спасибо вам за такого сына». А вскоре получил письмо, в котором Герман писал с обидой: «Что я наделал такого, папа? Что встревожило тебя, почему ты моим письмам не доверяешь?»

Ответил отец по-честному: ничего, мол, не случилось, просто хотелось услышать со стороны о твоём новом житье. Прости, что вышло так.

— Потом уж, — рассказывал нам Степан Павлович, — Гера как-то сам прислал мне письмо с просьбой: напиши командиру части, попроси сказать откровенно — получится из меня летчик или нет? На это я ему ответил: тебе лучше знать, что из тебя получится. Все в твоих руках. Выстоишь перед трудностями, будешь твердо добиваться поставленной цели — значит, получится из тебя летчик. А способности у тебя для этого есть. И еще добавил я любимую свою поговорку: «Дорогу осилит идущий». Очень она и Гере нравится.

Их письма друг другу не были только перечислением новостей. Они делились мыслями, советовались и

спорили. Почти что в каждом письме глубокие размышления о жизни, о творчестве в труде и об искусстве. Вот строки из последнего, довольно характерного письма отца:

«С садом работы столько, что, когда отхожу ко сну, уже не чувю ничего, — хоть на тракторе по уху ездю. Стягиваю понемногу садовое имущество, механизуем кое-что, уничтожаем сорняки. Словом, нахожу себе занятие. Хочу сделать так, чтобы работа для меня была приятной, если будет возможность — то творческой. Когда этого нет, я считаю, что человек должен превратиться в поденщика, а такое дело хуже смерти. Труд у нас, к сожалению, пока еще обязанность, хотя и почетная. Вот, видимо, Герои Труда и отличаются тем, что умеют эту обязанность гражданскую сделать для себя интересной, увлекательной, а тогда она становится приятной. Труд становится удовольствием. Раздумаешься над этим, и какие интересные стороны человеческой жизни объявляются вдруг».

А вот одно из писем сына к отцу:

«...Большой каскад — это великолепно! Самсон — чудо. Мне кажется, что это тот самый миг, когда лев уже не может больше сопротивляться — вся его сила ушла вместе с этой струей фонтана. Я был там, у Самсона, после того, как выключили воду (ее на ночь выключают), — уже не то. Не чувствуется без струи этого момента...»

Нет, не напрасно заботился отец о развитии эстетического вкуса у Геры, не зря потратил время.

Очень пригодилось Герману и то, что Степан Павлович научил его играть на разных инструментах. В училищном оркестре он играл на мандолине, принимал участие в самодеятельности тех частей, где служил. Даже когда был в отпуске, выезжал с участниками самодеятельности совхоза на концерт в Косиху, Александра Ми-

хайловна показала нам папку с грамотами за активное участие в художественной самодеятельности, выданными Гере в училище. А рядом лежат грамоты, полученные его отцом за то же самое от районных организаций.

...И с гордостью думал отец, что сын, воспитанный им, понесет в космос чистое сердце и добрые помыслы, а в душе своей — мелодии Чайковского и стихи Пушкина.

Кончила десятилетку Земфира, с очень хорошими отметками кончила. Вполне смогла бы выдержать конкурс в институте. И когда ее спросил отец, в какой же институт она хочет поступить, дочь ответила:

— Не знаю еще, не выбрала.

Отец не удивился такому ответу. Его дочь только так и должна была сказать — честно, прямо. Не прозвучал еще зов ее призвания. От музыкального училища она отказалась сама. Без вдохновения — какое же искусство? Ремесло! Многие советовали ей поступить в педагогический институт, но сколько раз она слышала от отца, какое это несчастье, когда человек идет в педагоги не по призванию...

— Ну, как же ты решила? — спросил ее отец некоторое время спустя.

— Хочу пойти на ферму, в доярки.

— Смотри, это очень тяжелый труд, — мягко сказал отец, оглядывая хрупкую, тоненькую фигурку дочери. — По силам ли? Впрочем, походи, попробуй, чем жизнь пахнет.

— Попробую.

А через месяц создалась отцу:

— Ты прав. Не по силам работу выбрала. Что, если мне поехать в Барнаул, на хлопчатобумажный комбинат, там уже работают наши девушки. Поработаю два года, а там сама жизнь подскажет, куда надо идти.

— Ну что ж, там есть специальности, подходящие для девушки твоей комплекции, — сказал отец и добавил: — Иди, дочь, ищи свое место в жизни. Где-то ждет оно тебя, именно твое.

...С Земфирой мы встретились в рабочем общежитии хлопчатобумажного комбината. Хрупкая, изящная девушка с черными кудрями и огромными синими глазами. Держится очень просто, без тени кокетства, говорит откровенно, задумчиво. Работа? Не трудная, но и не очень интересная. Специальность? Съемщица в прядильном цехе. На других комбинатах съемщиц уже заменили механизмы. Но вообще работать и чувствовать себя самостоятельным человеком — это очень хорошо. Да и коллектив попался дружный такой. Хорошие девчата подобрались, веселые.

В свободное время Земфира готовится к конкурсным экзаменам в фармацевтический институт. В досуг — играет на мандолине, читает стихи. Очень любит Маяковского.

Звездные дали зовут.

...Письма теперь идут из двух городов, и от дочери, и от сына.

И вот пришло письмо, которого, конечно, ждали, но казалось, что оно придет не так скоро. Для родителей такое всегда оказывается неожиданным. Гера писал, что давно уже знаком с девушкой, которую зовут Тамарой. Пришло время, когда они убедились, что любят друг друга, и решили пожениться. Гера спрашивал «благословения» родителей.

Отец и мать понимали, что сын просто оказывает им уважение, а решить уже, конечно, решил... Что сказать ему в этот важный момент жизни?

Письмо отца на этот раз заняло не одну страницу, «Мы не будем тебе перечить, сынок. Ты сам с головой, сам понимаешь всю важность шага. Напомним только одно: Титовы один раз женятся».

Но нет, он, отец, сказал не одно. Это не были просто пожелания «жить в дружбе и согласии». Отец делился с сыном своими мыслями о семье, разговаривал с ним, как с другом. Он писал о том, что не может быть счастливой семья, в которой один непрерывно учится, растет, движется вперед, а другой остановился в своем развитии. «Друг за другом вы тянуться должны и вместе все время идти вперед и выше...» Степан Павлович советовал Тамаре учиться. И позднее, когда читал письма о том, что она готовится поступить в институт, очень радовался.

Беспокойный человек, он не ограничился одними письмами — поехал в город, где стали жить Герман и Тамара. С каждым в отдельности побеседовал, рассказал Тамаре о характере Германа, каждому что-то доброе посоветовал.

— Провел с ними семинары, — шутит Степан Павлович, — ругались они, наверное, на меня в душе: вот, мол, вцепился старый... Но иначе-то я не мог.

Не так давно получил Степан Павлович еще одно письмо от сына, в котором тот спрашивал совета. Спрашивал о большом, очень-очень большом... Решил вступить в партию. «Ты знаешь меня, отец, достоин ли я быть коммунистом?»

И вспомнил отец в тот день, как несколько лет назад (а кажется, совсем недавно) Гера впервые пришел домой с пионерским галстуком. Счастливый, сияющий. Отец поздравил его, а потом нередко спрашивал:

— А что вы там делаете, в пионерии? Чем занимаетесь?

И сын рассказывал. Например, о том, как пионервожатая Гея Кострова, любительница пения и обладательница хорошего голоса, уговаривала и его петь в концерте. Он не хотел. Тогда вожатая, убежденная в способностях Геры к пению, заставила его выступать на сцене «в порядке пионерской дисциплины». Рассказывал о сборах, о тимуровских дружинах...

Пришло время, и сын сказал отцу, что он решил вступить в комсомол. Комсомол... Всплыла в памяти жизнь комсомольской ячейки коммуны, задорные ребята и девчата, заводили многих хороших дел... Они твердо знали свое место в жизни, знали, почему и для чего вступили в организацию. А сын?

— А на что тебе комсомол нужен? — небрежно спросил Степан Павлович. — Что, без него не проживешь, что ли?

Гера, конечно, опешил. Потом горячо напустился на отца, доказывая то, как нужен он комсомолу, а комсомол — ему. Выложил в бурном монологе мысли и думы о месте своем в жизни. И вдруг сам спохватился, понял: проверяет его отец.

И так же, как раньше о пионерских делах, часто спрашивал Степан Павлович Германа:

— А что вы там делаете, в комсомолии? Чем занимаетесь?

Что ответить ему теперь, сыну, вступающему в партию? И он ответил так: разные есть люди — один широко шагает, стопу на землю ставит прочно, как хозяин, и хозяином и ответчиком за все хорошее и плохое на земле себя чувствует; другой в сторонку от жизненной кипели норовит, заботится лишь о том, чтобы ему самому было ладно и спокойно. Смотри сам, каким хочешь быть, и решай тогда о вступлении в партию. Но, я думаю, ты уже решил... Достоин ли? Лучше тебя этого никто не знает. Можешь быть и обязан быть достойным.

...Прощаясь со Степаном Павловичем, мы спросили его, что передать сыну.

— Ветку сибирского кедра, — ответил Степан Павлович, улыбаясь. — Как бы высоко он ни залетал, пусть не забывает о земле, взрастившей его.

Мы выполнили буквально это чисто символическое поручение. Съездили на Семинский перевал, облюбовали самый мощный и высокий кедр и сломили смолистую пышную ветвь.

...Взял ее Герман Степанович, прильнул лицом к колючей мохнатой лапе, вдохнул смолистую хвойную свежесть и, оторвавшись, улыбнулся совсем отцовской улыбкой, мягкой, немного мечтательной.

— Алтаем пахнет... — сказал и добавил: — Удивительно, как запахи напоминают что-то пережитое. Запахи и музыка.

Через несколько минут мохнатая кедровая ветвь стояла в вазе, а Герман Степанович рассказывал нам случай из своей жизни.

— В училище это было. Горькие минуты довелось мне пережить. Может быть, самые горькие в жизни. Показалось мне, что начальство несправедливо со мной поступило. Взорвался, нашумел... Характерец у меня был

нелегкий. И совсем уже решил тогда, что все кончено. Не бывать мне в небе.

Ушел подальше от всех, лег в кусты, гляжу на звезды. И такая тоска навалилась... Вдруг где-то запела скрипка. Я сразу узнал: Второй славянский танец Дворжака. Такая знакомая мелодия. Взяла за душу и повела за собой. В детство мое. В родной дом.

И сразу вспомнилось. Поздний вечер. Мы уже легли, но еще не спим. Входит как всегда припозднившийся отец. Тихонько раздевается. Ощупью достает скрипку и на сон грядущий играет Дворжака. Хорошо под нее мечталось.

И в тот раз слушаю далекую скрипку, а сам будто с отцом говорю... Замолкла скрипка. Встал я с земли обновленный какой-то, как будто дома побывал.

Об отце Герман может говорить часами, увлеченно, жарко.

— Не только меня, многих мой отец поддерживал в трудную минуту. И очно и заочно. Есть у меня близкий друг. Один из самых близких. Юра Черемнов. Детство у него было несладкое: Сирота, воспитывался у тети. А потом она вышла замуж. И Юра вовсе чужим в семье оказался. Батя мой помогал ему и словом и делом. А Юра, он молодец. Кончил десятилетку, выдержал конкурс, поступил в Новосибирский железнодорожный институт. И я как раз туда в училище приехал. Часто виделись. Вдруг однажды в конце зимней сессии приходит — лица на нем нет. «Кончено, говорит, бросаю институт». — «Что случилось?» — «Тройку схватил, стипендии теперь не будет». А надо сказать, жил он только на стипендию. Я сразу понял, что это для него значит. Но у нас уговор был: не прощать друг другу малодушия. «Я тебя уважать перестану, — говорю ему. — Работай! Землю грызи, а институт не смей бросать». Погорячились мы немного, потом мирно все обсудили. И решили:

ехать ему к моему отцу за советом. Пробыл он у нас каникулы, приехал окрыленный. Батя мой и ободрил человека и материально помог. Под разными предлогами, со всей своей деликатностью. Протянул парень семестр, выправил отметки, получил стипендию. Он волевой, упрямый, Юрка-то. Сейчас мост железнодорожный через Обь у нас на Алтае строят...

Отчий дом. Как тепло вспоминал его космонавт. Маленькая комната, в которой живут четверо не просто родных, но и духовно близких людей, живут одними радостями, одними заботами. И не замыкаются эти радости и заботы узким мирком семьи.

Сколько простых, но колоритных эпизодов из жизни родной семьи напомнила Герману кедровая ветвь.

Проснулся как-то ночью. Все спят, а отец что-то колдует. Поставил свечу на табурет и ходит вокруг нее — в одной руке мяч, в другой глобус. То присядет, то подымеется... Долго удивлялся Гера, что это еще отец затеял? Потом вспомнил: завтра он в клубе читает лекцию о солнечном затмении.

А во время выборов в Советы в семье наступало особое оживление. Отец — бессменный секретарь участковой избирательной комиссии. Сын радиофицирует участок, показывает кино. Мать украшает участок картинами мужа и рукоделием дочери. Земфира выполняет сотни поручений. А по вечерам вся семья садится за стол и допоздна переписывает списки избирателей.

Вспомнил Герман и еще один ночной эпизод. Проснулся поздно и увидел: отец сидит у открытой печки и подкармливает огонь бумагами, испещренными нотными линейками. Понял сын: отказался отец окончательно от мечты стать композитором. И вот сжигает он написанные когда-то в таких муках сонаты и романсы.

— Ты, пап, как Гоголь, — сказал незаметно подошедший Гера.

Вздрыгнул отец, поднял на него такие глаза, что даже он, мальчишка, понял, какую боль нечаянно причинил отцу...

— Да, не оправдал я надежд отца,— говорит нам сейчас Герман Степанович.— Ведь мечтал он, что из меня музыкант настоящий выйдет, что завершу я его замыслы. А меня вот в небо понесло...

— Знаем, как ваш отец от техники вас пытался отвлечь,— говорим мы.— Но вы действительно оказались неисправимым.

— Что? Он меня от техники отвращал? — взвился Герман Степанович.

И, расхохотавшись, начал перечислять:

— А кто меня планеры учил делать? А с кем я змеев коробчатых аж до самого бога запускал? А кто меня чуть на отцеубийство не толкнул? Да-да! Перед самым уходом моим в армию вижу: чертит что-то батя, высчитывает. Я к нему. Оказывается: изобретает планер на лыжах или, вернее, крылья для лыжника, чтоб разогнаться и полететь, затем спланировать... У меня даже дух захватило. Здорово! Ну, конечно, я принял самое активное участие в этом начинании. Начертили чертежи, произвели все расчёты. Ланжероны уже заготовили, крылья стали мастерить. Да меня на счастье в училище вызвали.

Теперь, проверив наши расчёты, я авторитетно заявляю: обязательно разбились бы оба... Нет, не такой у меня отец, чтоб технику не любить. И знает ее и любит... Ведь всё-все хорошее любит!.. И жизнь потому любит, и людей, и землю родную. Знаете, какие стихи он нам присылал?

И, помолчав, Герман Степанович с чувством читает:

...А в тихие часы рассвета,
Как брызнут первые лучи,
Среди полей далеко где-то
Теперь токуют косачи...

Привезли мы Герману Степановичу и книгу Топорова «Крестьяне о писателях». С какой жадностью ухватился он за нее.

— Легендарная для меня книга. Всю жизнь слышу о ней и вот впервые вижу.

Он листает страницы книги, находит среди коммунаров многих своих знакомых, в том числе и деда и бабушку. Читает, захлебываясь от восторга, выразительные, острые, сочные замечания крестьян-критиков.

А потом говорит нам, закрыв на минуту книгу, задумчиво, серьезно:

— У меня такое чувство, будто я сам вышел из этой коммуны. Да, впрочем, если поразмыслить, так оно и есть. Не было бы революции, не было бы советской власти и колхозного строя — был бы мой отец неграмотным батраком. И не мечтать бы нам о самолетах, о спутниках, о космосе.

Молодой, красивый, образованный, тонко чувствующий музыку и стихи, красоту слова и красоту дел человеческих, чистый и прямой, горячий и душевный, он сидел перед нами, Космонавт-2, — живой человек коммунистического будущего, человек, в котором так гармонично сочетались и сила, и ум, и красота тела, и красота души. Сидел и бережно держал в руках книгу о своих дедах, которые и воевали с беляками, и пахали землю, и учились азбуке для того, чтобы он сегодня понес в космос чистое сердце и высокие помыслы и... ветвь сибирского кедра.

Вся жизнь его, и его отца, и дедов — такая фантастически увлекательная и обыкновенная — стала возможной благодаря предначертаниям той программы партии, которая была принята в огневом 1919 году, когда коммунары «Майского утра» еще сражались с белогвар-

дейцами. Вся жизнь Космонавта-2, вся повесть о том, откуда он «пошел, стал, есть...», вся история его отчего дома и отчего края — яркая иллюстрация к проекту Программы партии, который коммунист Титов прочел незадолго до отъезда на космодром.

А. ВОЛКОВ, Н. ШТАНЬКО.

с. Майское Утро, с. Верхнее Жилино, с. Полковниково
Алтайского края — г. Барнаул — г. Москва.

ИЗ ПЛЕМЕНИ ОТВАЖНЫХ

Где же растут таких героев, как Титов, на каких дрожжах заквашивают? Герман Степанович закончил Сталинградское военно-авиационное училище и продолжал свою воинскую службу в одном из гарнизонов Ленинградского военного округа. Сталинград, Ленинград! Эти города-герои стали школой отважного космонавта.

...Надо ли удивляться тому, что воинская часть, в которой служил Титов, в эти дни стала местом паломничества корреспондентов центральных и местных газет, радио и телевидения.

Н-ский гвардейский истребительный полк, прославленная летная часть, дружная боевая семья крылатых воинов. Старшие товарищи Титова, ветераны полка, вписали славные страницы в героическую летопись Великой Отечественной войны. Истребители, пионеры ночных воздушных боев, были грозой фашистских асов. Летчики-гвардейцы патрулировали над жилыми кварталами Ленинграда, прикрывали с воздуха «дорогу жизни» — ледовую трассу через Ладогу, единственную наземную связь осажденного города с Большой землей.

Полк воспитал плеяду отважных воздушных бойцов — Героев Советского Союза В. Мациевича, Д. Оskalенко, Н. Щербину и других. Среди них был и А. Севастьянов, совершивший в ленинградском небе свой знаменитый таран. Его именем названа теперь одна из улиц города-героя.

Крылатая молодежь, пришедшая на смену ветеранам, так же мастерски владеет грозным оружием, так же, как они, отважна! Хорошие руки шлифовали летное мастерство Титова, строгие, знающие командиры, всегда готовые прийти на помощь друзья, воспитали его. Офицер Кузнецов готовил самолет Титова в его первый самостоятельный полет. Тогда на реактивном истребителе значился номер «24». Теперь на нем новый номерной знак — «45». Отличная боевая машина! Не зря доверили ее Герману Степановичу.

На этой машине летал командир эскадрильи, а во время посещения полка — трижды Герой Советского Союза генерал-майор авиации И. Кожедуб. Самолет Титова стал как бы притягательным центром для вояков части и ее гостей. Его даже поставили несколько обособленно — так легче осматривать и фотографировать. Машина Титова — уже реликвия. Но превращать ее в музейный экспонат пока не собираются. «Еще хорошо послужит!» — говорят летчики.

Корреспонденты центральных газет и радио не могли отказать себе в удовольствии посидеть в кабине отважного космонавта. Ведь в кабине самолета большое количество приборов. Можно представить себе, сколько же их на космическом корабле «Восток-2»!

Завязываются оживленные беседы с однополчанами Германа Титова. И хотя он уже довольно продолжительное время находится вне части, говорят о Германе Степановиче так, как будто бы расстались с ним вчера.

— Мне очень приятно, что наш однополчанин вто-

рым освоил космическое пространство,— сказал офицер Никитин.— В летных способностях Титова я никогда не сомневался. Это очень энергичный человек. Придя в часть, он глубоко изучал боевую технику, старательно относился к выполнению полетов. Когда ему предложили учиться на космонавта, Герман Степанович с радостью согласился на это трудное дело, требующее отваги и мужества. В пилотаже он всегда старался почерпнуть что-нибудь новое, шел одним из первых в освоении летной программы.

Друг Титова, Григорьев, летающий теперь на его самолете, рассказал:

— Геру я знаю со скамьи училища. Вместе летал с ним. Это хороший летчик и очень жизнерадостный человек. Особенно увлекается он художественной литературой и спортом. Его девиз: летать грамотно и красиво! Гера — отличный товарищ.

Офицеру Ковалеву довелось повидать Германа Степановича совсем недавно:

— Я всегда бывал восхищен его жизнерадостностью, оптимизмом, любовью к авиации. И при нашей последней встрече настроение у Титова было бодрое. Он с нетерпением ждал полета, просил передать товарищам пожелания добрых успехов в боевой и политической подготовке. На прощание я ему сказал: «Ну, Гера, высокого тебе неба».

Напутствие боевого друга Германа Степановича Ковалева сбылось. Летчик Герман Титов вторым из советских людей, вслед за Юрием Гагариным, проник в космос и пробыл там 25 часов, совершив беспрецедентный подвиг.

...Радостное возбуждение царит в части: из рук в руки переходят любительские снимки, на которых изображен Титов, друзья вспоминают его жизнь в полку. А полк для Титова воистину был родным домом, его семьей. Здесь он

стал мастером высшего пилотажа, способным летать в любых условиях, закаленным бойцом, точно поражающим воздушные и наземные цели, здесь он нашел и личное счастье: познакомился, влюбился, а потом и женился на Тамаре, работавшей в этой же части. Тамару здесь тоже вспоминают добрым, хорошим словом. Помнят ее веселый нрав и вкусные блюда, которые она готовила в полковой столовой.

Супруги Титовы были неперенными участниками художественной самодеятельности. С особым увлечением Герман читал Маяковского, своего любимого поэта, любил он и песни, особенно украинские, видно, потому, что жена — украинка. По многу раз мог слушать одну из них: «Дывлюсь я на небо...»

...Веселый смех летчиков прерывает упоминание об этой черте космонавта. И в самом деле забавно: теперь не Титов дивится на небо, а весь мир удивлен, восхищен его полетом.

Какие же чувства владеют однополчанами Титова? На митинге, который здесь состоялся, как только стало известно о полете Германа Степановича, молодой летчик Мазуров сказал:

— Каждый из нас хотел бы быть на твоём месте, Гера!

А потом под самое ленинградское небо взвилось могучее и дружное троекратное «Ура!» в честь славного однополчанина-космонавта майора Титова, в честь любимой партии, воспитавшей отважное племя крылатых, давшей советским летчикам могучие крылья!

Ленинград.

Б. ГУСЕВ, Н. ЕРМОЛОВИЧ.

СОДЕРЖАНИЕ

К Коммунистической партии и народам Советского Союза! К народам и правительствам всех стран! Ко всему прогрессивному человечеству!	7
Н. Хрущев. Советскому космонавту, впервые в мире совершившему 25-часовой космический полет, майору Титову Герману Степановичу	11
Всем ученым, конструкторам, инженерам, техникам, рабочим, всем коллективам и организациям, участвовавшим в успешном осуществлении нового космического полета человека на корабле-спутнике «Восток-2». Советскому космонавту, осуществившему 25-часовой полет, товарищу Титову Г. С.	12
Беседа Н. С. Хрущева по телефону с космонавтом Г. С. Титовым 7 августа 1961 года	15
Биография космонавта	19
Постановление Центрального Комитета КПСС о приеме в члены КПСС товарища Титова Г. С.	20
Заявление космонавта Г. С. Титова перед полетом	21
Так совершался беспрецедентный подвиг	22
Николай Грибачев — Космос, человек, мир	40
Олег Писаржевский — Связь времен	49

Академик А. Благонравов — Гордость человечества . . .	54
Академик В. Амбарцумян — Ради жизни	59
Член-корреспондент АН СССР Э. А. Асратян, старший научный сотрудник П. В. Симонов — Все вперед и выше...	64
Радость народа, гордость народа	70
Сутки, восхитившие мир	80
А. Волков, Н. Штанько — Отчий дом	93
Б. Гусев, Н. Ермолович — Из племени отважных . . .	152

БИБЛИОТЕКА «ИЗВЕСТИЙ»

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

**700 ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ
В КОСМОСЕ**

М., «Известия», 1961, 160 с. с илл.

Составители **В. Гольцев, Д. Мамлеев,**

Редактор **Н. Шумилов**

Технический редактор **В. Власова.**

* * *

Б 00882. Подписано в печать 8/VIII-61 г.

Формат 70×108¹/₁₆. Бум. л. 2,5. Печ. л. 5.

Усл. печ. л. 6,85. Уч.-изд. л. 6,0.

Зак. 1421. Тираж 250.000

(2-й завод 50.001—100.000).

Цена 10 коп.

* * *

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» имени
И. И. Скворцова-Степанова.

Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР».
Москва, пл. Пушкина, 5.

10 коп.

51

2234